ВЗГЛЯДЪ

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

ЦЕРКВИ БОЖІЕЙ.

Профессора

А. П. Лебедева.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ
1904.

Пров. 1955

Оттиски изъ №№ Богословскаго Вѣстника за 1903 и 1904 г.

365
37

Печатать дозволяется. Декабря 15 дня, 1903 года.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Арсеній.*

Взглядъ графа Л. Н. Толстого на историческую жизнь церкви Божіей.

(Изъ университетскихъ лекцій по Исторіи Церкви).

„Первая отличительная черта добраго и мудраго человѣка заключается въ сознаніи, что онъ знаетъ очень мало, при чемъ онъ всегда желаетъ узнать, научиться, а не учить“ (Дж. Рёскинъ). См. *Мысли мудрыхъ людей на каждый день, собранныя гр. Л. Н. Толстымъ* (на 8 сентября). М. 1903.

„Лишь чужими глазами можно видѣть свои недостатки“ (Китайская пословица). Тамъ же (на 16 ноября) [1]).

Вести полемику съ графомъ Л. Н. Толстымъ по поводу его сочиненій, изслѣдующихъ или касающихся религіоз-

---

[1]) Лекціи эти въ сентябрѣ 1903 года прочтены были въ московскомъ университетѣ новому курсу слушателей исторіи церкви и начинались слѣдующими словами.

„Не секретъ, конечно, мм. гг., что церковная исторія въ нашихъ университетахъ не принадлежитъ къ числу процвѣтающихъ и любимыхъ наукъ. Почему же? Это зависитъ больше всего отъ самой постановки этой науки здѣсь. Роднымъ домомъ церковной исторіи служатъ духовныя академіи, а въ университетахъ она занимаетъ второстепенное и подчиненное мѣсто. Въ нашихъ университетахъ эта наука преподается лишь на спеціальныхъ курсахъ историко-филологическаго факультета и не входитъ въ составъ общихъ курсовъ его по ней нѣтъ никакихъ обязательныхъ письменныхъ работъ; по ней не полагается ни экзаменовъ, ни зачетовъ: единственный экзаменъ въ государственной комиссіи происходитъ уже внѣ университета; изученіе церковной исторіи

ныхъ вопросовъ, я не считаю своей задачей, предполагая, что это дѣло должны дѣлать теоретики-богословы или экзегеты. Если же мнѣ пришло на мысль покуситься на это, то

въ университетѣ, хотя бы оно и было очень успѣшнымъ, не даетъ студенту права быть преподавателемъ ея въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мало того: не даетъ права сдѣлаться не только профессоромъ этой науки въ университетѣ, но даже и зачислиться въ разрядъ приватъ-доцентовъ (по церковной исторіи, по установившемуся обычаю, не дозволяется держать магистерскаго экзамена въ университетѣ и пріобрѣтать здѣсь ученыя степени). Ожидаемый новый уставъ русскихъ университетовъ не обѣщаетъ никакихъ измѣненій въ положеніи нашей науки. Я не думаю, чтобы это сколько нибудь печалило студентовъ историческаго отдѣленія факультета, но я лишь отмѣчаю фактъ и не заботусь о чувствахъ...

Я однакожъ не хочу скрывать, что ни одна лишь постановка церковно-исторической науки въ университетахъ неблагопріятно отзывается на успѣхахъ ея. Есть еще одно условіе, которое создаетъ равнодушное и холодное отношеніе къ ней молодежи, мало того: даже скептическое и пожалуй непріязненное. У насъ въ Россіи народилось направленіе, которое очень не двусмысленно старается вкоренить убѣжденіе, что наши церковники и вообще люди, говорящіе о церкви въ положительномъ, а не отрицательномъ смыслѣ,—лица не высокой нравственной пробы, будто бы руководящіяся лицемѣріемъ и своекорыстіемъ и чуть ли не обманщики. Такого направленія держится существующее въ Петербургѣ т. н. религіозно-философское общество, издающее въ этомъ духѣ и журналъ, съ г. Мережковскимъ, Розоновымъ и другими писателями во главѣ. Но еще болѣе вражды ко всему церковному распространяетъ и внѣдряетъ въ нашемъ обществѣ нашъ знаменитый писатель графъ Л. Н. Толстой, уже много лѣтъ смѣнившій перо романиста на перо религіознаго учителя. Проводимыя имъ воззрѣнія имѣютъ рѣзкую печать антицерковности и доходятъ иногда до прямаго атеизма. Въ наше время большинство молодежи о религіи и церкви произносятъ свои сужденія лишь съ голоса Толстого.

Но я упомянулъ о т. н. религіозно-философскомъ обществѣ и противоцерковной миссіи графа Толстого вовсе не за тѣмъ, чтобы вступать въ полемику съ міровоззрѣніемъ названнаго общества (это и помимо насъ дѣлалось и дѣлается); и не за тѣмъ, чтобы помѣриться силами съ Толстымъ и подвергнуть его суду за его безпримѣрную рѣзкость сужденій по вопросамъ религіи. О Толстомъ я уже потому не берусь говорить съ достодолжной обстоятельностію, что я никогда не имѣлъ желанія изучать его безконечныя сочиненія, написанныя имъ въ роли религіознаго учителя и имѣющія, по условіямъ нашей цензуры, — подпольный характеръ".—Слѣдуетъ еще замѣтить, что послѣднія страницы нашей работы, касающіяся нѣкоторыхъ религіозно-нравственныхъ явленій ближайшаго къ намъ и настоящаго времени, возникли при особливыхъ обстоятельствахъ, не имѣющихъ отношенія къ университетской аудиторіи.

во всякомъ случаѣ подобное занятіе ново для меня и представляетъ собой скромную задачу. Я намѣренъ сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу одного недавно явившагося произведенія Толстого, случайно попавшаго въ мои руки. Оно показалось мнѣ характеристическимъ потому, что именно подобнаго-то рода сочиненія, какъ вышедшія изъ-подъ пера знаменитости, могутъ больше чѣмъ что другое порождать и воспитывать скептическое отношеніе среди нашихъ интеллигентныхъ кружковъ къ такой наукѣ, какъ исторія христіанской церкви. Это сочиненіе тѣмъ болѣе привлекло къ себѣ мое вниманіе, что оно заключаетъ въ себѣ ясно выраженный взглядъ Толстого на историческую жизнь церкви, т. е. очень прямо касается церковной исторіи.

Разсматриваемое сочиненіе ходитъ по рукамъ въ видѣ литографированныхъ листовъ [1])и носитъ съ перваго взгляда странное заглавіе: „Разрушеніе ада и его возстановленіе“. (Названіе это само собой уяснится впослѣдствіи). Произведеніе, хотя и не велико, но однако касается разныхъ вопросовъ; мы же ради поставленной нами задачи выберемъ изъ него только то, что близко относится къ нашему дѣлу. Въ немъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ фигурируютъ исключительно... черти, какъ это требуется самымъ понятіемъ ада. Черти, очень различные по своей наружности и профессіямъ, имъ свойственнымъ, произносятъ монологи, ведутъ между собой бесѣды—этимъ и ограничивается со внѣшней стороны содержаніе произведенія Толстого. Само по себѣ понятно, что авторъ въ адъ не вѣритъ и бытія діаволовъ не признаетъ. Для Толстого все это метафоры и символы: адъ и рай, разрушеніе и возстановленіе ада, безчисленные черти, діаволы въ пелеринкахъ и въ мантіяхъ, и самъ владыка злыхъ духовъ—Вельзевулъ!

Но обращаемся къ передачѣ тѣхъ мѣстъ сочиненія Толстого, которыя имѣютъ особенный интересъ для нашей задачи. Приведемъ ихъ буквально, чтобы имѣть ихъ предъ глазами во всей точности.

„Дьяволы были большіе и маленькіе, говоритъ Толстой, и толстые и худые, и съ длинными и короткими хвостами, и острыми и кривыми рогами“.

[1]) Въ настоящее время оно уже напечатано въ видѣ брошюры, изящно изданной.

„Одинъ изъ дьяволовъ въ накинутой на плечахъ пелеринкѣ, весь голый и глянцевито-черный, съ круглымъ безбородымъ лицомъ и огромнымъ животомъ сидѣлъ на корточкахъ, и то закатывая свои огненные глаза, то опять выкатывая, не переставалъ улыбаться, равномѣрно, изъ стороны въ сторону, помахивая длиннымъ тонкимъ хвостомъ“. Дьяволъ у автора представленъ одѣтымъ въ пелеринку и бритымъ очевидно для того, чтобы сдѣлать его похожимъ на католическое духовное лице—на кардинала или даже папу, такъ какъ этотъ дьяволъ, какъ увидимъ потомъ, является, по мысли автора, главнымъ распорядителемъ церковными дѣлами въ исторіи.

— „Что значитъ этотъ шумъ?“ (т. е., поясню я, шумъ въ опустѣломъ было адѣ, опустѣломъ вслѣдствіе смерти Христа и Его воскресенія, прибавилъ бы я, если бы Толстой допускалъ этотъ послѣдній [фактъ), сказалъ Вельзевулъ, указывая на верхъ“. (Онъ самъ, Вельзевулъ, по представленію автора, находился въ преисподней, т. е. гдѣ-то подъ адомъ, и былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, такъ какъ послѣ побѣды Христа надъ смертію и адомъ, онъ оставался не у дѣлъ, сидѣлъ безъ всякаго живого дѣла).

На его вопросъ: „что значитъ этотъ шумъ“, обезпокоенный Вельзевулъ получаетъ такой отвѣтъ.

— „Все тоже, что было всегда“, отвѣчалъ глянцевитый дьяволъ въ пелеринкѣ.

— „Да развѣ есть грѣшники?“ спросилъ Вельзевулъ.

— „Много“, отвѣчалъ глянцевитый.

— „А какъ же ученіе Того, Кого я не хочу называть?“ спросилъ Вельзевулъ.

„Дьяволъ въ пелеринкѣ осклабился такъ, что открылись его острые зубы и между всѣми дьяволами послышался сдержанный хохотъ“ (т. е. они не болѣе, какъ слегка хихикали, конечно, изъ почтительности къ своему начальству).

— „Я передѣлалъ это ученіе“, сказалъ дьяволъ въ пелеринкѣ, быстро трепля хвостомъ по полу.

И затѣмъ онъ разсказалъ, какъ это произошло.. „Когда случилось то страшное дѣло, что адъ былъ разрушенъ и отецъ и повелитель нашъ (т. е., конечно, Вельзевулъ) удалился отъ насъ (т. е. засѣлъ съ горя въ преисподнюю), то я пошелъ въ тѣ мѣста, гдѣ проповѣдовалось то самое уче-

ніе, которое чуть было не погубило насъ. Мнѣ хотѣлось увидать, какъ живутъ люди, исполнявшіе его. И я увидалъ, что люди, жившіе по этому ученію, были совершенно счастливы и недоступны намъ. Они не сердились другъ на друга, не предавались женской прелести, или не женились, или женившись, имѣли одну жену; не имѣли имущества; все считали общимъ, не защищались отъ нападающихъ и платили добромъ за зло. И жизнь ихъ была такъ хороша, что другіе все болѣе и болѣе привлекались къ нимъ. Увидавъ это, я подумалъ, что все пропало, и хотѣлъ было уходить. Но тутъ случилось обстоятельство, само по себѣ ничтожное, но оно мнѣ показалось заслуживающимъ вниманія, и я остался. Случилось то, что между этими людьми одни считали, что всѣмъ надо обрѣзываться и не надо ѣсть идоложертвенное, а другіе считали, что этого не нужно и что можно не обрѣзываться и ѣсть все. И я сталъ внушать тѣмъ и другимъ, что разногласіе это очень важно и что ни той, ни другой сторонѣ нельзя уступать, такъ какъ дѣло касается служенія Богу. И они повѣрили мнѣ, и споры ожесточились. И тѣ, и другіе стали сердиться другъ на друга, и тогда я сталъ внушать тѣмъ и другимъ, что они могутъ доказывать истинность своего ученія чудесами. Они повѣрили мнѣ, и я устроилъ имъ чудеса. Устроить это было не трудно. Они всему вѣрили, что подтверждало ихъ желаніе однимъ быть въ истинѣ. Одни говорили про другихъ: чудеса ваши не настоящія, наши же—настоящія, а тѣ говорили про этихъ: нѣтъ, ваши не настоящія, а наши—настоящія. Дѣло шло хорошо, но я боялся, чтобы они не увидали слишкомъ очевиднаго обмана, *и тогда я выдумалъ церковь* (курсивъ нашъ). И когда они повѣрили въ церковь, я—говоритъ дьяволъ въ пелеринкѣ — успокоился, я понялъ, что мы спасены".

Послѣ этого тотъ же дьяволъ разъяснилъ своимъ слушателямъ, что такое церковь.

„А церковь это то,—ораторствовалъ онъ предъ аудиторіей, достойной того имени, какое приписываетъ ей авторъ,—„то, что когда люди лгутъ и чувствуютъ, что имъ не вѣрятъ,—ссылаясь на Бога, говорятъ: „ей Богу, правда то, что я говорю". Это собственно и есть церковь, но только съ тою особенностію, что люди, признавшіе себя церковію, увѣ-

ряютъ, что они не могутъ заблуждаться, и потому, какую бы глупость они ни сказали, уже не могутъ отъ нея отречься. Дѣлается же церковь такъ: люди увѣряютъ себя и другихъ, что Учитель ихъ—Богъ, во избѣжаніе того, чтобы открытый Имъ (т. е. Учителемъ) законъ не былъ перетолкованъ, избралъ особенныхъ людей, которые одни или тѣ, кому они передадутъ эту власть, могутъ правильно толковать ученіе. Выгода этого пріема (пояснимъ: для царства діавола) та, что какъ скоро люди сказали про себя, что они—церковь и на этомъ утвержденіи построили свое ученіе, то они не могутъ уже отречься отъ того, что сказали: какъ бы нелѣпо ни было сказанное и чтобы (тамъ) ни говорили другіе люди".

„Получивши же эту власть, они естественно возгордились и большею частію развратились и тѣмъ вызвали противъ себя негодованіе и вражду людей. Для борьбы же съ своими врагами, они не имѣя другого оружія, кромѣ насилія, стали гнать, казнить, жечь всѣхъ тѣхъ, кто не признавалъ ихъ власти. Такъ что они самымъ своимъ положеніемъ были поставлены въ необходимость перетолковывать ученіе (Христово) въ томъ смыслѣ, чтобы оно оправдывало и ихъ дурную жизнь, и ихъ жестокости, которыя они употребляли противъ своихъ враговъ. Они такъ и сдѣлали".

Вельзевулъ затѣмъ спрашиваетъ другого дьявола, одѣтаго въ мантію. (Это былъ, по описанію автора, матово-черный дьяволъ, съ плоскимъ покатымъ лбомъ, безмускульными членами и съ оттопыренными большими ушами). Описываемый авторомъ дьяволъ есть, по смыслу Толстого, руководитель науки, т. е. какъ бы министръ народнаго просвѣщенія въ христіанскомъ мірѣ; поэтому-то онъ является облеченнымъ въ мантію, ибо мантія, т. н. докторская мантія, составляетъ принадлежность профессоровъ въ западныхъ университетахъ, которою они пользуются въ торжественныхъ случаяхъ.

— „Но какъ же, спрашиваетъ Вельзевулъ этого дьявола, свободные отъ обмана ученые люди (въ этихъ словахъ, замѣтимъ, ясно звучитъ иронія) не увидѣли того, что церковь извратила ученіе и не возстановила его"?

Дьяволъ въ мантіи отвѣтилъ: „Не могутъ они сдѣлать этого оттого, что я постоянно отвлекаю ихъ вниманіе отъ того, что они могутъ и что имъ нужно знать, и направ-

ляю его на то, что имъ не нужно знать, и чего они никогда не узнаютъ".

— „Какъ же ты дѣлаешь это"?

— „Дѣлалъ и дѣлаю это я различно по времени. Въ старину я внушалъ людямъ, что самое важное для нихъ это— знать подробности объ отношеніи между собою лицъ Троицы, о происхожденіи Христа, о естествахъ Его, о свойствѣ Бога (?) и т. п. И эти разсужденія такъ занимали ихъ, что они вовсе не думали о томъ, какъ имъ жить; имъ не нужно было знать того, что говорилъ Учитель о жизни (?). Потомъ когда они такъ запутались въ ихъ разсужденіяхъ, что сами перестали понимать то, о чемъ говорили, я внушалъ однимъ, что самое важное для нихъ—это изучить и разъяснить все то, что писалъ человѣкъ, по имени Аристотель, умершій 1000 (?) лѣтъ тому назадъ въ Греціи".

Вотъ тѣ мѣста изъ разсматриваемаго сочиненія Толстого, которыя преимущественно могутъ насъ интересовать. На сочиненіи помѣчена дата его происхожденія: 1902 годъ.

Это новое произведеніе Толстого, сколько знаемъ, еще никѣмъ не было разобрано, попытаемся сдѣлать это, то есть разобраться въ этой своего рода философіи церковной исторіи.

I.

„Разрушеніе ада", по мысли автора, выразилось въ томъ, что, вслѣдствіе явленія и дѣятельности Христа, Его ученики и послѣдователи стали вести высоко-нравственную жизнь и этимъ положили конецъ тому „аду", какой представляла до этого времени жизнь человѣческая съ ея несправедливостію и жестокостію. Разумѣется, мы можемъ только радостно привѣтствовать такой взглядъ знаменитаго писателя на состояніе первенствующихъ христіанъ. Первенствующіе христіане, дѣйствительно, въ большой мѣрѣ отражали въ своей жизни возвышенныя заповѣди Христа. Таковымъ былъ въ особенности первый вѣкъ христіанства, апостольскій вѣкъ. Одинъ русскій очень извѣстный ученый церковный историкъ [1]) называетъ вѣкъ апостольскій „свѣтоноснымъ вѣкомъ церкви" и не находитъ достаточно словъ, чтобы восхвалить добродѣтели этого вѣка: онѣ ему одина-

[1]) *Протоіер.* (проф.) *А. В. Горскій* въ его „исторіи церкви апостольской". (Приб. къ твор. св. отц., т. 31, за 1883 г., стр. 408).

ково кажутся „славными, возвышенными и божественными“. И это правда. Въ самомъ дѣлѣ, если послушаемъ апостола Павла, древнѣйшаго изъ христіанскихъ писателей, точнѣе сказать перваго по времени между всѣми ними, то убѣдимся, что не напрасно восхвалялъ первенствующихъ христіанъ графъ Толстой. Позволимъ себѣ привести нѣсколько отзывовъ апостола Павла о христіанахъ его времени, встрѣчающихся въ такихъ посланіяхъ его, которыя признаются подлинными посланіями этого апостола даже самой придирчивой западной протестантской критикою и которыя признаетъ за такія и Толстой, если не захочетъ утверждать, что всѣ существующія посланія, носящія имя Павла, подложны. Прежде всего приведемъ отзывы названнаго апостола о такихъ церквахъ, или, примѣняясь къ языку Толстого, о такихъ христіанскихъ общинахъ, которыя основаны и утверждены были въ вѣрѣ самимъ этимъ миссіонеромъ. Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ онъ христіанъ города Коринѳа. „Вы не имѣете недостатка, пишетъ Павелъ, ни въ какомъ дарованіи (1 Кор. 1, 7); вы изобилуете всѣмъ: вѣрою, и словомъ, и познаніемъ, и всякимъ усердіемъ и любовію вашею къ намъ“ (2 Кор. 8, 7). По причинамъ, которыя уяснятся нѣсколько послѣ, еще опредѣленнѣе и задушевнѣе отзывается Павелъ о христіанахъ прежде всего— Ѳессалоники (теперь: Салоники). Онъ говоритъ о нихъ: „вы стали образцомъ для всѣхъ вѣрующихъ въ Македоніи и Ахаіи; во всякомъ мѣстѣ прошла слава о вашей вѣрѣ, такъ что намъ, прибавляетъ апостолъ, ни о чемъ не нужно разсказывать“ (1 Ѳессал. 1, 7—8). И при другомъ случаѣ Павелъ спрашиваетъ себя: „кто наша надежда, или радость, или вѣнецъ похвалы? Не вы ли (т. е. Ѳессалоникійскіе христіане) предъ Господомъ нашимъ І. Христомъ“? И отвѣчаетъ: „вы наша слава и радость“ (—2, 19—20). Но по замѣчанію одного русскаго ученаго историка, „никто такъ, кажется, не веселилъ сердца Павлова, какъ христіанская община Филиппійская“ [1]), т. е. находящаяся въ македонскомъ городѣ Филиппахъ. Павелъ патетически писалъ объ этихъ христіанахъ: „за всѣхъ васъ съ радостію приношу молитву мою, братія мои возлюбленные и вожделѣнные, радость и

[1]) *Протоіер. А. В. Горскаго.* Исторія церкви апостольской. Прибав. къ твор. св. отц. Т. 31 стр. 407.

вѣнецъ мой“,—такъ онъ называетъ ихъ; онъ ставитъ въ примѣръ всѣмъ ихъ кротость, т. е. ихъ истинно-христіанскій духъ: „кротость ваша, пишетъ онъ, да будетъ извѣстна всѣмъ человѣкамъ“ (Филип. 1, 4; 4, 1. 5). Не менѣе лестные и задушевные отзывы Павелъ позволяетъ себѣ дѣлать и о такихъ христіанскихъ общинахъ, которыя хотя и не имъ были обращены ко Христу, но о состояніи которыхъ онъ, очевидно, хорошо зналъ. Вотъ, напримѣръ, что онъ говоритъ, обращаясь съ посланіемъ къ христіанамъ малоизвѣстнаго азійскаго города Колоссы. „Духомъ я нахожусь съ вами и радуюсь, видя ваше благоустройство и твердость вѣры вашей“; единственное желаніе апостола заключается въ томъ, чтобы и въ будущемъ колоссяне такъ же „преуспѣвали“, какъ было и ранѣе (Кол. 2, 5. 7). Наконецъ, представимъ еще свидѣтельство Павла изъ посланія къ римлянамъ, которые, впрочемъ, не имъ были обращены въ христіанство (да вообще неизвѣстно—кѣмъ). Апостолъ отъ всего сердца радуется за христіанскую общину въ Римѣ и ожидаетъ отъ нея истиннаго утѣшенія для себя, при предполагаемомъ имъ посѣщеніи ея. Павелъ пишетъ: „благодарю Бога моего за всѣхъ васъ, что вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ. Я весьма желаю увидѣть васъ, утѣшиться съ вами общею вѣрою, вашею и моею“ (Рим. 1, 8. 12). Нужно сказать, что словомъ „вѣра“ апостолъ какъ въ этомъ, такъ и другихъ мѣстахъ, часто называетъ не одно принятіе христіанскаго ученія, но вообще совокупность совершенствъ, которыми должны отличаться послѣдователи новой, съ тогдашней точки зрѣнія, религіи.

Да, безъ сомнѣнія, вѣкъ апостольскій никогда не потеряетъ своей славы; въ этомъ отношеніи вполнѣ можно соглашаться съ графомъ Толстымъ. Но мы не должны слишкомъ увлекаться похвалами его по адресу первенствующихъ христіанъ; эти похвалы, какъ ни пріятно ихъ слышать изъ устъ противника церкви, какимъ откровенно и намѣренно заявляетъ себя авторъ разбираемаго сочиненія, не должны прельщать насъ: онѣ имѣютъ цѣлію ввести насъ въ обманъ. Похвалы эти, скажу прямо, тенденціозны. Автору только и нужно, чтобы мы вполнѣ ему повѣрили въ данномъ случаѣ; а если мы ему повѣримъ, то онъ достигъ того, что ему пока только и надобно. Смѣю утверждать, что авторъ рас-

точаетъ похвалы первенствующему христіанству для того только, чтобы поразить читателя, какъ потомъ все это будтобы измѣнилось къ худшему, какъ потомъ исказились нравы и понятія христіанъ, и такимъ образомъ возвѣстить ту истину, что если было нѣкогда „разрушеніе ада“, т. е. наступала эпоха прекращенія всякой несправедливости и всякой жестокости, то все такое тянулось недолго, имѣло преходящее значеніе, ибо вслѣдъ за тѣмъ въ христіанскомъ же мірѣ послѣдовало „возстановленіе ада“, т. е. возвращеніе къ старой неправдѣ и уже забытой было жестокости. Вотъ въ чемъ хочетъ убѣдить своего читателя графъ Толстой, обольщая его идиллической картиной абсолютныхъ совершенствъ первенствующихъ христіанъ.

Въ виду этого, наша ближайшая задача заключается въ томъ, чтобы ограничить ту идеализацію апостольскаго вѣка, какую съ тенденціозною цѣлію допускаетъ себѣ Толстой. Это, конечно, мы сдѣлаемъ не съ тѣмъ, чтобы повредить славѣ этого вѣка, а съ тѣмъ, чтобы вырвать изъ рукъ разбираемаго автора оружіе, которымъ онъ хочетъ поразить своихъ враговъ, т. е. тѣхъ кто вѣруетъ, что „адъ“ никогда въ церкви не возстановлялся, и что сама она, слѣдовательно, не превращалась въ „адъ“, какъ желалось бы знаменитому писателю. Мы будемъ говорить о первенствующемъ христіанствѣ только одну истину, т. е. станемъ сообщать свѣдѣнія непререкаемой точности, а потому первенствующее христіанство не потерпитъ никакого ущерба отъ нашихъ дальнѣйшихъ разъясненій, ибо христіанство есть первый поборникъ истины и не только не боится, но ищетъ ея. Нужно ли добавлять, что нашъ источникъ знаній въ настоящемъ случаѣ заключенъ въ Новозавѣтномъ Писаніи, которое христіане не безъ основанія почитаютъ источникомъ истины не только религіозной, но и исторической въ точномъ смыслѣ этого послѣдняго слова? Впрочемъ—къ чему эти подробности: каждый самъ можетъ критически и очень легко провѣрить любое изъ тѣхъ положеній, которыя затѣмъ послѣдуютъ.

Итакъ, къ дѣлу. Рисуя времена первохристіанскія, Толстой, повидимому, съ такимъ безпристрастіемъ говоритъ о христіанахъ этихъ временъ: „они не сердились другъ на друга“. Но эти сладкія слова говорятся только за тѣмъ, чтобы намекнуть читателю, что если молъ въ началѣ „они и не

сердились", то однакожъ, увы, какъ стали сердиться одинъ на другого тѣже христіане, спустя извѣстный періодъ времени, и стали полагать въ подобной злобѣ сущность самой религіи.

Спрашивается: возможно ли вообще человѣку не сердиться на другого? Пока человѣкъ остается человѣкомъ допустить это невозможно. Не сердиться человѣку на человѣка, хотя бы при извѣстныхъ обстоятельствахъ, это—психологическій абсурдъ.

Въ вѣкъ апостольскій жили люди, слѣдовательно, и они подчинены были тому же закону. И нѣтъ ничего проще, какъ доказать это. Возьмемъ, напримѣръ, хоть жизнь апостола Павла, о которой до насъ сохранилось наиболѣе подробныхъ и достовѣрныхъ извѣстій. Что же видимъ? То, чего только и можно ожидать, имѣя дѣло съ людьми по плоти и крови. Вотъ разсказъ изъ книги „Дѣяній", относящійся къ эпохѣ тотчасъ послѣ т. н. апостольскаго собора. „Павелъ и Варнава (тоже апостолъ) жили въ Антіохіи. По нѣкоторомъ времени Павелъ сказалъ Варнавѣ: пойдемъ опять, посѣтимъ братьевъ нашихъ по всѣмъ городамъ, въ которыхъ мы проповѣдали слово Господне. Варнава хотѣлъ взять съ собою Марка (извѣстнаго евангелиста). Но Павелъ полагалъ не брать отставшаго отъ нихъ въ Памфиліи и не шедшаго съ ними на дѣло, на которое они были посланы. Отсюда произошло огорченіе (или по славянскому: „распря"), замѣчаетъ авторъ книги „Дѣяній", такъ что они разлучились другъ съ другомъ, и Варнава, взявъ Марка, отплылъ на о. Кипръ" (15, 35—39). Скажите: сердился или не сердился Павелъ на Марка, когда этотъ послѣдній въ прежнее время отказался идти съ первымъ на проповѣдь? Сердился или не сердился онъ, когда отказалъ Варнавѣ въ его просьбѣ взять теперь Марка для совмѣстнаго миссіонерскаго путешествія? Или: какъ относился и Варнава къ Павлу, когда онъ прервалъ сношенія съ этимъ послѣднимъ? Если между указанными тремя лицами, по выраженію автора книги „Дѣяній", произошла „распря", то вѣроятно ли, чтобы при этомъ дѣло обошлось безъ болѣе или менѣе сильныхъ душевныхъ движеній? Возьмемъ другой случай изъ жизни тогоже Павла, служащій до сихъ поръ камнемъ преткновенія и соблазна для комментаторовъ. Случай этотъ, хоть и

очень кратко, описанъ самимъ Павломъ и единственно имъ. Дѣло опять происходило въ Антіохіи и повидимому спустя немного времени послѣ т. н. апостольскаго собора. Въ то время, когда въ этомъ городѣ находился Павелъ (а съ нимъ и Варнава), сюда же съ неизвѣстною цѣлію прибылъ и апостолъ Петръ. Зная, что Павелъ былъ приверженцомъ евангельской свободы и противникомъ іудейскихъ обрядовыхъ законовъ, Петръ, когда ему приходилось бывать здѣсь въ домахъ язычниковъ, ни мало не стѣсняясь, во время трапезы ѣлъ изъ общихъ чашъ съ ними. (А это съ точки зрѣнія фарисейской праведности являлось дѣломъ крайне зазорнымъ). Все шло хорошо. Но вотъ прибыли изъ Іерусалима въ Антіохію же какія-то приближенныя къ Іакову, брату Господню, лица; подъ вліяніемъ ли воззрѣній и образа дѣйствій этого Іакова, или же руководясь собственнымъ личнымъ разумѣніемъ, эти пришельцы стали косо посматривать на общеніе Петра съ необрѣзанными. Къ нашему немалому удивленію, первоверховный апостолъ пришелъ въ смущеніе отъ этихъ пришельцовъ, пересталъ обѣдать вмѣстѣ съ язычниками [1]; его примѣру послѣдовалъ и Варнава. Все это возбудило неудовольствіе въ душѣ Павла. Онъ не могъ перенести этого „лицемѣрія“, какъ онъ выражается, и рѣшился обличить Петра, что̀ и исполнилъ. „Я—говоритъ о себѣ Павелъ, лично противосталъ ему, потому что онъ подвергся нареканію“ (по славянскому переводу „яко зазоренъ бѣ“). И это произошло, по замѣчанію Павла, „при всѣхъ“, значитъ не келейно, съ глазу на глазъ, а совершенно публично (Гал. 2, 11—14). Разсказывая объ этомъ случаѣ, Павелъ затѣмъ приводитъ и тѣ мысли, какія онъ развивалъ, подвергая своему суду поведеніе Петра. Спрашивается: можно-ли себѣ представить, чтобы изобличая, какъ онъ выражается, „не прямо поступающихъ по истинѣ евангельской“, онъ не возмущался духомъ [2]? Это событіе разсказано Павломъ въ его посланіи къ Галатамъ, т. е. христіанамъ, жившимъ въ Малоазійской провинціи—Галатіи. Посланіе написано спу-

---

[1]) Можетъ быть подъ вліяніемъ того, что раньше было съ нимъ въ Іерусалимѣ („Дѣян.“ 11, 2—4).

[2]) Безъ сомнѣнія, (хотя Павелъ и не говоритъ объ этомъ), не молчалъ и Петръ, а спорилъ, а въ спорѣ—дѣло возможное—и горячился.

стя не менѣе года послѣ разсказаннаго событія или же спустя цѣлыхъ три года (если фактъ столкновенія двухъ апостоловъ случился раньше апостольскаго собора), а самое повѣствованіе введено въ посланіе съ цѣлію отвратить Галатовъ отъ привязанности къ закону іудейскому, которою они по какой-то причинѣ увлекались, не смотря на то, что первоначальную проповѣдь евангельскую они воспріяли отъ самого Павла. И что же? Хотя между разсказаннымъ событіемъ и написаніемъ посланія прошло немало времени, однакожъ Павелъ, когда онъ писалъ это посланіе и когда ему такъ сказать снова пришлось пережить сердцемъ туже исторію, замѣтно волнуется: передавъ въ посланіи случай, какъ онъ произошелъ, онъ сейчасъ восклицаетъ: „о несмысленные Галаты“! (3, 1). Очевидно, и съ теченіемъ времени Павелъ не могъ хладнокровно вспоминать о томъ, что случилось, хотя то было и давно. Есть историки, которые утверждаютъ, что послѣ этого столкновенія Павелъ и Петръ окончательно разошлись другъ съ другомъ и даже не встрѣчались. Положимъ это—ужъ крайность; но важно то, что крайность эту возможно допускать: значитъ, для иного изслѣдователя жизни апостоловъ данный случай представляется ссорой Павла съ Петромъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Къ сожалѣнію, въ устраненіе этой крайности нельзя опираться, какъ это иногда дѣлаютъ, на фактъ совмѣстной и одновременной мученической кончины этихъ апостоловъ, ибо отнюдь нельзя доказать, что Павелъ и Петръ впослѣдствіи одновременно жили въ Римѣ и тамъ скончались въ одинъ и тотъ же годъ и даже въ одинъ и тотъ же день. Преданіе о пребываніи Петра въ Римѣ принадлежитъ, при существующихъ историческихъ данныхъ, къ темнѣйшимъ вопросамъ апостольскаго вѣка [1]).

Итакъ, мы видимъ, что будетъ преувеличеніемъ, подобно графу Толстому, утверждать, что первенствующіе христіане тѣмъ будто бы отличались отъ христіанъ другихъ вѣковъ, что совсѣмъ „не сердились другъ на друга“. Въ первенствующихъ христіанскихъ обществахъ, безъ сомнѣнія, было много привлекательнаго и поучительнаго для послѣдующихъ

---

[1]) *Erbes.* Petrus nicht in Rom, sondern in Jerusalem gestorben. Въ Zeitschrift für Kirchengesch. 1901. SS. 1—47 und 161—231.

поколѣній, но тамъ не было того, чего быть не могло по самой природѣ вещей. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ римлянамъ говоритъ: „если возможно, съ своей стороны, будьте въ мирѣ со всѣми людьми“; онъ говоритъ: „если возможно“ и этимъ самымъ даетъ знать, что бываютъ случаи, когда это невозможно и когда по необходимости въ сердцѣ человѣка имѣютъ мѣсто чувства свойства не мирнаго. Затѣмъ апостолъ прибавляетъ: „не мстите за себя возлюбленные“, т. е. другими словами, не выражайте активно свое оскорбленное чувство, „но дайте мѣсто гнѣву“ (12, 19), т. е. удовольствуйтесь тѣмъ, что отмщаете и наказываете врага въ своей душѣ, исключая его изъ числа своихъ друзей [1]).

Но пойдемъ далѣе за графомъ Толстымъ и посмотримъ, какія еще допускаетъ онъ преувеличенія въ изображеніи первенствующаго христіанства, съ цѣлію найти потомъ глубокое несоотвѣтствіе между христіанствомъ первыхъ временъ и христіанствомъ временъ позднѣйшихъ, и тѣмъ укорить церковь этихъ послѣднихъ временъ. Онъ возвѣщаетъ: „жизнь“ первенствующихъ христіанъ „была такъ хороша, что“ и т. д. Конечно, согласимся мы, жизнь ихъ была хороша; но было бы заблужденіемъ воображать, что она не имѣла тѣней и чужда была пятенъ. Одинъ очень авторитетный русскій историкъ церкви замѣчаетъ, что жизнь христіанъ даже апостольскихъ временъ не лишена была „недостатковъ и пороковъ“, о которыхъ, по его разсужденію, умалчивать нельзя [2]). Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ можно умалчивать объ этомъ, когда о несовершенствахъ разсматриваемаго вѣка, хотя они и не такъ значительны по размѣрамъ, говорятъ посланія самихъ апостоловъ и опредѣленнѣе и откровеннѣе другихъ Павелъ. Въ посланіи къ корин-

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ посланія послѣ слова *гнѣву* прибавлено: „Божію“, въ качествѣ поясненія, такъ какъ не только въ оригиналѣ, но и въ славянскомъ переводѣ, этого слова нѣтъ (интересно указать, что въ синодскомъ изданіи „Дѣяній и посланій“: СПБ., 1874, изд. 2-ое, это слово не напечатано даже и курсивомъ, какъ вообще принято у насъ печатать въ русскомъ изданіи библіи слова прибавочныя, не имѣющія соотвѣтствующихъ выраженій въ оригиналѣ). Слово: *Божію* мы считаемъ здѣсь совсѣмъ неумѣстнымъ, потому что параллельнымъ мѣстомъ для стиха: 12, 19 должны служить слова Павла же: 2 Θессал. 3, 14.

[2]) *Прот. А. В. Горскаго*. Вышецитир. сочиненіе, стр. 429.

ѳянамъ, напр., онъ требуетъ: „отрезвитесь, какъ должно, и *не грѣшите*, ибо къ стыду вашему скажу, нѣкоторые изъ васъ не знаютъ Бога“ (1 Кор. 15, 34), т. е. забываютъ Бога, хочетъ сказать апостолъ. Не имѣя надобности подробно анализировать эти слова его, скажемъ одно: грѣшники во времена Павла встрѣчались. „Не грѣшите“, не даромъ предостерегаетъ онъ.

Въ частности апостолъ при различныхъ обстоятельствахъ указываетъ не мало недостатковъ въ состояніи христіанъ его времени,—недостатковъ, свидѣтельствующихъ по его словамъ, что нѣкоторые христіане оставались еще людьми „плотскими“, т. е. что они не прониклись высокими идеалами исповѣдуемой ими религіи. Христіанамъ того времени иногда недоставало согласія и единодушія. Обращая свою рѣчь къ коринѳянамъ, Павелъ говоритъ: „умоляю васъ, братія, чтобы всѣ вы говорили одно и не было между вами раздѣленій; ибо мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ о васъ, братія, что между вами есть споры“ (1 Кор. 1, 10—11). „Вы еще плотскіе, замѣчаетъ далѣе Павелъ; ибо если между вами зависть, споры и разногласія, то не плотскіе ли вы? и не по человѣческому ли (т. е. языческому) обычаю поступаете вы?“ (Тамъ же, 3, 3). Свидѣтельство апостола такъ ясно, что нѣтъ надобности его комментировать.—Во время совершенія богослуженія у христіанъ происходили безпорядки, которыя сильно смущали духъ апостоловъ. Такъ прекрасное обыкновеніе того времени поучать другъ друга религіознымъ истинамъ въ церковныхъ собраніяхъ не всегда отличалось благоустроеніемъ. Случалось, какъ указываетъ апостолъ Павелъ, или то, что такихъ добровольныхъ наставниковъ набиралось много безъ всякой надобности, или же то, что пророки (т. е. учители вѣры) дозволяли себѣ говорить всѣ разомъ. Апостолъ, обличая эти непорядки, замѣчаетъ: „Богъ не есть Богъ неустройства, но мира“ (тишины). Со стороны эти непорядки, по словамъ Павла, могли казаться какъ бы нѣкотораго рода „бѣснованіемъ“ (1 Кор. 14, 23—33).—Самое совершеніе важнѣйшаго богослужебнаго дѣйствія—евхаристіи или литургіи проходило иногда нестройно и даже прямо непохвально. Апостолъ Павелъ усматриваетъ, что совершеніе евхаристіи вмѣсто того, чтобы быть актомъ общенія вѣрующихъ, вызывало какія-то раздѣленія, приво-

дило къ расторженію союза между христіанами. Такъ было въ Коринѳѣ. Изобличая этихъ христіанъ, Павелъ писалъ: „не хвалю васъ, что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее; ибо во-первыхъ слышу, что, когда вы собираетесь въ церковь, между вами бываютъ раздѣленія, чему отчасти вѣрю“ (1 Кор. 11, 17—18). Это, какъ видимъ: „во-первыхъ“. А затѣмъ, тотъ же апостолъ рисуетъ картину еще болѣе печальныхъ нестроеній. „Далѣе, продолжаетъ онъ, вы собираетесь такъ, что это не значитъ вкушать вечерю Господню. Ибо всякій поспѣшаетъ прежде другихъ ѣсть свою пищу (т. е. пищу, принесенную въ качествѣ пожертвованія), такъ что иной бываетъ голоденъ (т. е. кто нѣсколько опоздаетъ), а иной упивается“ (т. е. кто приносилъ какъ жертву, кромѣ пищи, и вино). Долженъ я пояснить, что въ древности совершеніе евхаристіи соединялось съ особыми братскими трапезами, т. н. вечерями любви (агапы), и именно эти вечери предваряли евхаристію. Затѣмъ Павелъ укоризненно вопрошаетъ: „развѣ у васъ нѣтъ домовъ на то, чтобы ѣсть и пить? или пренебрегаете церковь Божію и унижаете неимущихъ? Похвалить ли васъ за это? не похвалю“ (1 Кор. 11, 20—22). Апостолъ заключаетъ свою рѣчь такъ: „посему, братія мои, собираясь на вечерю, другъ друга ждите. А если кто голоденъ, пусть ѣстъ дома, чтобы собираться вамъ не на осужденіе“ (—11, 33—34). Апостолъ прямо сказалъ, что онъ не хвалитъ поведенія обличаемыхъ имъ въ настоящемъ случаѣ христіанъ, а мы не можемъ ничего другого дѣлать, какъ только соглашаться съ нимъ.

Въ виду того самоотреченія и неустанныхъ трудовъ, какими ознаменовали себя апостолы, можно было бы ожидать, что между ними и обращенными ими христіанами установятся отношенія полнѣйшаго довѣрія и теплой любви. Но и этого не было или точнѣе: иногда встрѣчалось не то; а виновными были, конечно, христіане. Апостолъ Павелъ жалуется, что лишь только онъ оставилъ Коринѳъ, какъ нѣкоторые уже „возгордились“, при чемъ онъ замѣчаетъ по поводу этихъ „возгордившихся“: „чего же вы хотите? Съ жезломъ ли къ вамъ придти или съ любовію и духомъ кротости“ (1 Кор. 4, 18. 21)? Павелъ не разъясняетъ, въ чемъ выражалась гордость этихъ самомнительныхъ христіанъ; но можно догадываться, что къ числу ихъ принад-

лежали и тѣ дерзкіе люди изъ христіанъ, которые осмѣливались осуждать и критиковать апостола. Мы знаемъ, что въ Коринѳѣ встрѣчались такія лица, которыя приписывали Павлу непостоянство и неустойчивость въ его мысляхъ. Они говорили, что будто бы Павлово „да“ сводилось на „нѣтъ“ и что его „нѣтъ“ означало „да“ (2 Кор. 1, 17—18); другіе изъ коринѳскихъ гордецовъ находили несоотвѣтствіе между образомъ дѣйствій Павла и его посланіями, они пустословили такъ: „въ посланіяхъ Павелъ строгъ и силенъ, а въ личномъ присутствіи слабъ“ (2 Кор. 10, 10), другими словами, по ихъ мнѣнію, Павелъ былъ храбръ только на словахъ. Какая дерзость! Среди тѣхъ же коринѳянъ появлялись люди, которые причиняли ему „огорченія“, даже прямо были его „обидчиками“, они вселяли въ его сердце „скорби и стѣсненіе“; въ подобнаго рода явленіяхъ Павелъ готовъ былъ видѣть обнаруженіе „умысловъ сатаны“ (2 Кор. 2, 3—5. 11. Ср. 7, 12). Не менѣе печально для апостола было и то, что по легкомыслію или недовѣрію къ нему, иные изъ христіанъ, бывшихъ его чадами, переходили, по выраженію апостола, къ „иному благовѣствованію“, каковы были, наприм., галаты (Гал. 1, 6—7). Они, значитъ, мало цѣнили авторитетъ апостола и предпочитали ему какого нибудь говоруна, который умѣлъ нести всякій вздоръ. Разумѣется, какъ это печально и оскорбительно для человѣка, всецѣло преданнаго своему дѣлу, какимъ былъ, напримѣръ, Павелъ!

Въ числѣ крупныхъ недостатковъ, характеризующихъ христіанскую общину въ Коринѳѣ, историкъ долженъ отмѣтить сутяжничество. Сутяжничество это заслуживало осужденія потому уже, что христіане для разсмотрѣнія своихъ процессовъ обращались къ языческимъ властямъ; очевидно, тяжущіеся, подъ вліяніемъ сварливости, позабывали о томъ, какъ неблаговидно для христіанина жаловаться на своего собрата предъ невѣрнымъ, съ которымъ у вѣрующаго не должно бы быть точекъ соприкосновенія. А хуже всего то, что подобныя тяжбы свидѣтельствовали, что христіане жили не согласно съ евангеліемъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: „и то уже весьма унизительно для васъ, что вы имѣете тяжбы между собою, братъ съ братомъ судится. Для чего бы вамъ, скорбитъ апостолъ, лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія?“ (1 Кор. 6, 1—7).

Люди этого времени далеки были отъ того, чтобы не противиться злу, хотя Павелъ и евангеліе стремились къ этому идеалу христіанства.

Другой недостатокъ общественнаго же характера Павелъ усматриваетъ и изобличаетъ въ христіанскихъ жителяхъ Ѳессалоники. Правиломъ апостольскаго времени былъ трудъ для всѣхъ, Апостолъ постановилъ заповѣдь: „кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь“. Заповѣдь эта однакожъ не всѣми исполнялась. Нѣкоторые изъ христіанъ оказывались людьми легкомысленными и по выраженію Павла: „ничего не дѣлали, а суетились“, т. е. они дѣлали видъ, что исполняютъ заповѣдь о трудѣ, а въ дѣйствительности лишь бездѣльничали. Такихъ „суетныхъ“ людей апостолъ именуетъ „безчинниками“ (2 Ѳессал. 3, 10—11).

Обращаемся къ характеристикѣ нравственнаго состоянія первенствующихъ христіанъ — нравственнаго въ строгомъ смыслѣ этого слова, но постараемся быть сколько возможно краткими. Нельзя отрицать, что и въ этомъ отношеніи христіане не стояли на высотѣ своего евангельскаго призванія. Въ доказательство нашихъ словъ приведемъ прежде всего нѣкоторыя мѣста изъ посланія Павла къ Коринѳянамъ. Онъ пишетъ: „вы (т. е. нѣкоторые христіане) сами обижаете и отнимаете (апостолъ не говоритъ что именно), и отнимаете притомъ у братьевъ“ (1 Кор. 6, 8 — 9), т. е. у такихъ же христіанъ, и затѣмъ угрожаетъ: „или не знаете, что неправедные царства Божія не наслѣдуютъ?“ Въ посланіи къ тѣмъ же коринѳянамъ тотъ же Павелъ еще пишетъ: „я опасаюсь, чтобы мнѣ не найти васъ такими, какими не желаю, чтобы не найти у васъ раздоровъ, зависти, гнѣва, ссоръ, клеветъ, ябедъ, гордости, безпорядковъ, и чтобы не оплакивать мнѣ многихъ, которые согрѣшили прежде и не покаялись въ нечистотѣ, блудодѣяніи и непотребствѣ, какое дѣлали“ (2 Кор. 12, 20—21). Очевидно, апостолъ, хотя точно и не знаетъ, есть ли перечисленные грѣхи и пороки среди коринѳянъ, но не сомнѣвается, что они могутъ быть и вѣроятно бываютъ [1]). Что нѣкоторыя нарушенія христіанскихъ

---

[1]) *Прот. А. В. Горскій* пользуется сейчасъ приведеннымъ мѣстомъ изъ посланія ап. Павла для прямого утвержденія, что „церковь и во времена апостольскія не совсѣмъ была чиста отъ скверны міра“ (429).

нравственныхъ правилъ и притомъ важнѣйшихъ въ самомъ дѣлѣ встрѣчались среди коринѳянъ, объ этомъ довольно ясно даетъ понять апостолъ, когда говоритъ: „я писалъ вамъ, чтобы вы не сообщались съ тѣмъ, кто, называясь братомъ (христіаниномъ), остается блудникомъ, или лихоимцемъ, или идолослужителемъ, или злорѣчивымъ, или пьяницею, или хищникомъ; съ таковымъ (не слѣдуетъ) даже и ѣсть вмѣстѣ“ (1 Кор. 5, 11).

Такимъ образомъ, какъ видно изъ этихъ словъ Павла, характеризуя жизнь первенствующихъ христіанъ, Толстой едва ли имѣлъ право съ такою безусловною рѣшительностію утверждать, что во всякомъ случаѣ они „не предавались женской прелести“. Извѣстны и частные примѣры несоблюденія заповѣди о цѣломудріи въ разсматриваемое время. Таковъ былъ коринѳскій кровосмѣсникъ, который, впалъ, по словамъ апостола, во грѣхъ, неслыханный даже у язычниковъ. Онъ вступилъ въ преступную связь съ своею мачихою, при чемъ впрочемъ нужно предполагать, въ нѣкоторое извиненіе тяжкаго грѣшника, или то, что отецъ и мачиха его были язычники, или что перваго изъ этихъ лицъ уже не было на свѣтѣ (1 Кор. 5, 1—2). Таковы были Николаиты, названные такъ по имени Николая, одного изъ семи діаконовъ, поставленныхъ апостолами. Они, по указанію Апокалипсиса, „любодѣйствовали“, повидимому отвергали бракъ и замѣняли его мимолетными связями. Николаиты стали синонимомъ плотской распущенности (Апок. 2, 6. 14—15) [1]).

Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Филиппійцамъ говорилъ: „всѣ (т. е. христіане) ищутъ своего, а не того, что угодно Іисусу Христу“. Положимъ здѣсь апостолъ говоритъ гиперболически: „всѣ“. Мы должны помнить, что въ то время когда писалось это посланіе, Павелъ былъ подъ стражею въ Римѣ (Дѣян. 28, 30—31) и естественно на многое взиралъ преувеличенно мрачными глазами; но тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе вышеисчисленные нами недостатки религіознаго и общественнаго характера, мы въ правѣ утверждать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые христіане того времени искали не того, что нужно, искали *своихъ си* (2, 21). Въ томъ же посланіи къ Филиппійцамъ апостолъ еще говоритъ:

[1]) Ср. 2 Петр. 2, 1—2. 10. 13—19.

„многіе, о которыхъ я часто говорилъ, а теперь даже со слезами говорю, поступаютъ, какъ враги креста Христова; они мыслятъ о земномъ“ (3, 18 — 19). Итакъ, по словамъ Павла, „многіе“ изъ христіанъ являлись „врагами креста Христова“. Положимъ это выраженіе „многіе“ не указываетъ на какой нибудь опредѣленный и очень большой % *земная мудрствующихъ*, а указываетъ просто на то, что такихъ было не мало тамъ, гдѣ не должно бы быть ни одного такого: однако вышеприведенные нами историческіе факты, сообщающіе свѣдѣнія о нравственномъ состояніи апостольскаго вѣка, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что враги креста Христова дѣйствительно существовали; врагомъ же креста надлежитъ признавать всякаго, кто, по выраженію апостола Петра, „идетъ во слѣдъ сквернихъ похотей плоти“ (2 Пет. 2, 10), ибо чрезъ такихъ, по словамъ того же апостола, „путь истины“, т. е. путь креста, „будетъ въ поношеніи“ („похулится“) (—2, 2).

Въ числѣ самыхъ характеристическихъ чертъ жизни первыхъ христіанъ графъ Толстой указываетъ слѣдующее: они „не имѣли имущества, всё считали общимъ“. Человѣкъ, мало знакомый съ исторіей церкви пожалуй подумаетъ, что такъ въ самомъ дѣлѣ и было во времена первохристіанства, что христіане безусловно отказались отъ собственности, и что общество послѣдователей новой религіи было коммуною. Конечно, Толстой именно и желаетъ, чтобы довѣрчивые его читатели думали такъ, а не иначе. Вѣдь, ему это очень нужно въ его интересахъ реформатора общества! Но правда ли то, что утверждаетъ онъ? На этотъ разъ намъ не нужно много раздумывать о томъ, на чемъ основываетъ онъ свое утвержденіе. Фактъ, какой онъ имѣетъ въ виду, записанъ въ книгѣ *Дѣяній* и только въ ней. Слѣдуетъ лишь разсмотрѣть его — и мы увидимъ, что Толстой слишкомъ увлекается и преувеличиваетъ значеніе факта. Разсказъ писателя *Дѣяній* общеизвѣстенъ; но мы не думаемъ, что мы утомимъ ваше вниманіе, если приведемъ его. „У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ

апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ каждый имѣлъ нужду" (4, 32 — 35). Мѣсто изъ книги *Дѣяній* поразительное! Но его отнюдь нельзя понимать въ точномъ буквальномъ смыслѣ слова не потому конечно, что такъ понятое оно оправдываетъ Толстого: для насъ никакой не можетъ быть печали въ томъ, что этотъ писатель оказывался бы правъ; но главнымъ образомъ потому, что буквальное пониманіе приведеннаго текста поставитъ насъ въ великія научныя затрудненія. Разумѣю слѣдующее: во-первыхъ, мы стали бы въ противорѣчіе съ исторіей апостольскаго вѣка, а во вторыхъ—съ самою книгою *Дѣяній*. Въ самомъ дѣлѣ общеніе имѣній, о которомъ говоритъ эта книга, не находило себѣ подражанія и примѣненія во многочисленныхъ церквахъ, образовавшихся среди язычниковъ, а имѣло мѣсто лишь въ церкви іерусалимской: ни одинъ христіанскій писатель I-го вѣка не упоминаетъ ни объ отреченіи отъ собственности, ни о общеніи имѣній у христіанъ изъ язычниковъ; слѣдовательно, явленіе не было всеобщимъ въ тогдашнемъ христіанскомъ мірѣ, а было явленіемъ мѣстнымъ, іерусалимскимъ. Общеніе имѣній существовало, но далеко не у всѣхъ первыхъ христіанъ. А еслибы явленіе было общимъ, то мы должны бы знать, когда же оно кончилось, и когда христіане отъ коммунизма перешли опять къ обычному гражданскому строю: вѣдь, не могло же это произойти совсѣмъ незамѣтно, какъ не могъ оставаться незамѣтнымъ переходъ іерусалимскихъ христіанъ отъ обычнаго строя къ т. н. общенію имѣній. Съ другой стороны, какъ мы замѣтили выше, буквальное пониманіе разбираемаго текста, приводитъ къ самопротиворѣчію самой книги Дѣяній. Разъяснимъ эту нашу мысль. Прежде всего обратимъ вниманіе на одинъ разсказъ, помѣщенный писателемъ книги *Дѣяній* непосредственно послѣ разбираемаго текста. Въ разсказѣ говорится: „нѣкоторый мужъ именемъ Ананія, продавъ имѣніе, утаилъ изъ цѣны, а нѣкоторую часть принесъ и положилъ къ ногамъ апостоловъ. Но (апостолъ) Петръ сказалъ: Ананія! Для чего ты допустилъ солгать Духу Святому и утаить изъ цѣны земли? То, чѣмъ ты владѣешь, не остается ли твоимъ, а то, что получилъ ты отъ продажи, не въ твоей ли власти находилось? Ты солгалъ не человѣкамъ, а Богу" (5, 1 — 4). Изъ словъ Петра, съ которыми онъ обращается къ Ананіи

ясно открывается, что послѣдній не все имущество свое продалъ, потому что первый говоритъ ему: „то, чѣмъ ты владѣешь, не остается ли твоимъ“, и этимъ даетъ знать, что Ананія продалъ только часть своего имѣнія съ цѣлію передать вырученныя деньги въ распоряженіе апостоловъ; и вина Ананіи, какъ видно изъ разсказа, заключалась совсѣмъ не въ томъ, что онъ не все имѣніе свое продалъ съ указанною цѣлію, а только въ томъ, что онъ покривилъ душей, не всѣ тѣ деньги, которыя выручены были отъ продажи части имѣнія и которыя онъ рѣшилъ отдать въ распоряженіе апостоловъ, не всѣ эти деньги доставилъ по назначенію. Очевидно, и въ іерусалимской церкви, по свидѣтельству книги „Дѣяній“, не было обязательнаго правила, чтобы вѣрующій непремѣнно отказывался отъ всей своей собственности и отдавалъ ее на общую пользу.—Приведемъ еще другое свидѣтельство книги „Дѣяній“, которое оказалось бы въ прямомъ противорѣчіи съ разсматриваемымъ текстомъ той же священной книги, если бы мы этотъ текстъ позволили себѣ понимать буквально. Въ 12 главѣ „Дѣяній“ упоминается о домѣ Маріи, матери евангелиста Марка, находившемся въ Іерусалимѣ (ст. 12),—домѣ, въ которомъ появляется апостолъ Петръ по своемъ освобожденіи изъ темницы. Значитъ, названная Марія, не смотря на то, что она жила въ Іерусалимѣ и, конечно, знала о существованіи учрежденія, извѣстнаго съ именемъ „общеніе имѣній“, безпрепятственно владѣла домомъ въ св. городѣ; и интересно знать, что при всемъ томъ хозяйка дома и ея домъ пользовались честію со стороны апостоловъ.

Итакъ, „общеніе имѣній“, о которомъ говоритъ Толстой, надѣлѣ заключалось въ слѣдующемъ: всѣ вѣрующіе въ Іерусалимѣ, желавшіе проявить чисто-евангельскую нестяжательность, продавали все или часть своего имѣнія и деньги „полагали къ ногамъ апостоловъ“. Деньги шли на дѣла благотворенія. Но кто не хотѣлъ этого дѣлать, тотъ могъ свободно оставаться собственникомъ своего имущества. Да и такое ограниченное „общеніе имѣній“ имѣло мѣсто только въ Іерусалимѣ, притомъ очень возможно, что и здѣсь оно осуществлялось только на первыхъ порахъ христіанской жизни. Представлять же себѣ, что будто всѣ общины христіанскія первыхъ временъ отказались отъ собственности и

жили на началахъ коммунизма, значитъ превратно представлять жизнь первенствующихъ христіанъ, вопреки непреложнымъ фактамъ.

Такимъ образомъ мы показали, что жизнь первенствующихъ христіанъ, взятую во всей ея совокупности, Толстой рисуетъ въ исключительно свѣтлыхъ чертахъ; и это было бы дѣломъ похвальнымъ, если бы онъ имѣлъ въ виду отмѣтить поучительныя стороны первохристіанской эпохи и чуждъ былъ тенденцій. Но мы уже говорили и опять повторимъ, что все это сдѣлано Толстымъ лишь затѣмъ, чтобы повѣдать и убѣдить читателя, какъ далеко послѣдующая церковь будто бы удалилась отъ этихъ идеаловъ, обративъ царство благодати въ царство сатаны. Вслѣдствіе этого, похвалы разбираемаго писателя нужно признать дутыми.

Да и напрасно Толстой такъ усиленно старается выставить на первый планъ нравственно - общественныя качества первыхъ христіанъ; за исключеніемъ св. апостоловъ и ихъ сотрудниковъ, прочіе христіане тѣхъ временъ едвали чѣмъ отличались отъ лучшихъ представителей церкви дальнѣйшихъ вѣковъ. Главное преимущество христіанства первыхъ временъ, точнѣе—апостольскаго вѣка, заключается, какъ справедливо утверждаютъ иногда [1]), въ особливой близости членовъ тѣла Христова, вѣрующихъ, къ ихъ Главѣ, самому Господу,—въ такой близости, какой нельзя отыскивать въ позднѣйшей жизни христіанскаго общества. Въ нашу задачу не входитъ разъясненіе: въ чемъ, въ какихъ формахъ выражалась эта близость, потому что намъ еще разъ пришлось бы ради этого побочнаго вопроса пересмотрѣть исторію апостольскаго вѣка, о которомъ мы и безъ того не мало говорили. Укажемъ на одинъ и единственный примѣръ такой чрезвычайной близости. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ подробно описываетъ установленіе Господомъ таинства евхаристіи и при этомъ замѣчаетъ: „я отъ самого Господа принялъ то, что и вамъ передалъ“ (1 Кор. 11, 23), т. е. исторію установленія вышеозначеннаго таинства. Но спрашивается: какимъ образомъ Павелъ могъ узнать отъ Христа эту исторію, когда онъ не былъ ученикомъ Господа и даже никогда не видалъ Его при жизни Его? Конечно, можно бы

---

[1]) *Прот. А. В. Горскій.* Цитированн. сочиненіе, стр. 404.

утверждать, что Павелъ пріобрѣлъ знаніе исторіи жизни и дѣлъ Христовыхъ въ моментъ чудеснаго обращенія Савла въ христіанство; но для такого утвержденія у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Остается вѣровать, что Павелъ, по мѣрѣ потребности, получалъ непосредственно отъ Христа откровеніе истинъ историческихъ,—того, что въ послѣдующіе вѣка и донынѣ пріобрѣтается путемъ большихъ трудовъ, школьнаго образованія и усидчиваго занятія надъ книгами, пріобрѣтается, говорю, да и то не болѣе, какъ *зерцаломъ въ гаданіи* (1 Кор. 13, 12). Но мы не станемъ останавливаться на множествѣ другихъ примѣровъ изъ апостольскаго вѣка въ томъ же родѣ. Довольно и одного.

О такой близости членовъ тѣла Христова къ Своему главѣ—Христу Толстой не упоминаетъ при характеристикѣ первохристіанства, и это не случайность, а дѣло намѣренное. Онъ полагаетъ сущность Христіанства въ совершенствѣ нравственныхъ его принциповъ и въ практическомъ ихъ осуществленіи. А потому онъ не только равнодушенъ, но и враждебенъ ко всему, что даже лишь напоминаетъ христіанскую догматику. Не даромъ нарисованная имъ картина христіанской жизни первыхъ вѣковъ все же такъ тускла и односторонняя!

II.

Въ предшествующихъ замѣчаніяхъ мы старались подвергнуть разбору ту часть сочиненія Толстого, въ которой онъ описываетъ, по его терминологіи „разрушеніе ада“, т. е. наступленіе на землѣ царства правды и добра. Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другой части того же сочиненія, въ которой онъ изображаетъ „возстановленіе ада“, т. е. прекращеніе царства добра и замѣну его новымъ царствомъ всякой неправды и зла на землѣ. Въ разсужденіяхъ его, предоставляющихъ нѣчто въ родѣ философіи церковной исторіи, по этому послѣднему вопросу нужно различать двѣ стороны: во первыхъ онъ говоритъ объ обстоятельствахъ, подготовившихъ религіозную катастрофу, и во 2-хъ, мрачными красками рисуетъ то, въ чемъ выразилась эта неожиданная (точнѣе бы сказать: небывалая) катастрофа.

Итакъ, какія обстоятельства, по мнѣнію Толстого, подготовили указанную катастрофу въ положеніи христіанства?

Взглядъ графа Л. Н. Толстого на историческую жизнь Церкви Божіей.

(Изъ университетскихъ лекцій по Исторіи Церкви).

II.

Въ предшествующихъ замѣчаніяхъ мы старались подвергнуть разбору ту часть сочиненія Толстого, въ которой онъ описываетъ, по его терминологіи „разрушеніе ада“, т. е. наступленіе на землѣ царства правды и добра. Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другой части того же сочиненія, въ которой онъ изображаетъ „возстановленіе ада“, т. е. прекращеніе царства добра и замѣну его новымъ царствомъ всякой неправды и зла на землѣ. Въ разсужденіяхъ его, предоставляющихъ нѣчто въ родѣ философіи церковной исторіи, по этому послѣднему вопросу нужно различать двѣ стороны: во первыхъ онъ говоритъ объ обстоятельствахъ, подготовившихъ религіозную катастрофу, и во 2-хъ, мрачными красками рисуетъ то, въ чемъ выразилась эта неожиданная (точнѣе бы сказать: небывалая) катастрофа.

Итакъ, какія обстоятельства, по мнѣнію Толстого, подготовили указанную катастрофу въ положеніи христіанства? Такихъ обстоятельствъ онъ знаетъ два: возникновеніе нѣкоторыхъ споровъ между христіанами, въ которыхъ они стали забывать о своихъ братскихъ отношеніяхъ, и появленіе между ними же странной претензіи доказывать истинность тѣхъ или другихъ религіозныхъ воззрѣній посредствомъ совершенія чудесъ; это послѣднее обстоятельство тѣмъ позорнѣе, съ точки зрѣнія Толстого, что чудеса уве-

личили распри между христіанами, потому что возникли бурныя споры о томъ, чьи чудеса иастоящія: тѣхъ ли лицъ, которыя утверждаютъ одно или тѣхъ, которыя поддерживаютъ что-либо другое?

Изъ споровъ между христіанами древности, Толстаго возмущаютъ въ особенности споры какъ о томъ: обязательно ли для христіанъ принятіе обрѣзанія, освященнаго ветхимъ завѣтомъ, или же необязательно? а также о томъ, позволительно христіанину ѣсть идоложертвенныя приношенія, т. е. долженъ ли онъ смотрѣть на нихъ, какъ на обыкновенную пищу или же долженъ бояться ѣсть ихъ, опасаясь осквернснія христіанской души?

Но прежде чѣмъ коснуться этихъ споровъ, какъ Толстой называетъ вопросы, возникшіе въ средѣ древнихъ христіанъ объ обрѣзаніи и идоложертвенномъ, коснуться ихъ по существу, замѣтимъ: ничего удивительнаго не было бы въ томъ, если бы эти споры оказались и шумны и бурны. Въ то время, когда іудейство было въ полной силѣ и когда язычество господствовало почти въ цѣломъ мірѣ, вопросы: объ обрѣзаніи, которое нужно было отмѣнить, и объ идоложертвенномъ, которое напоминало христіанамъ о культѣ бѣсовскомъ (1 Кор. 10, 20—21), естественно могли волновать умы христіанъ. Но къ величайшей чести христіанъ вопросы эти дебатировались очень тихо, и споры носили, какъ принято выражаться, характеръ академическій, т. е. вполнѣ дозволительный. А главное, эти споры отнюдь не вели къ развитію вражды между христіанами, какъ хочетъ того Толстой. Да и едва-ли въ нихъ участвовали многіе христіане: они привлекали вниманіе лишь руководителей христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какъ происходили эти споры? Споръ объ обрѣзаніи возникъ въ Антіохіи, какъ кажется незадолго до 52 года, времени собора апостольскаго. Писатель книги „Дѣяній“ разсказываетъ: „нѣкоторые пришедши изъ Іудеи, т. е. Іерусалима, учили братьевъ антіохійскихъ: если не обрѣжетесь по Моисееву обряду, не можете спастись“. Апостолъ Павелъ, бывшій въ это время въ названномъ городѣ, и его спутникъ Варнава вопреки такихъ пришельцевъ, говорили обратное. Между ними, т. е. между Павломъ и этими послѣдними, по выраженію писателей „Дѣяній“, „произошло немалое состязаніе“ (15, 1—2), дѣйствительно

„состязаніе и немалое“: вѣдь вопросъ былъ очень новъ и очень важенъ, а главное, да вѣдь все дѣло этимъ и ограничилось. Затѣмъ вскорѣ же происходилъ соборъ Апостольскій, на которомъ съ полною авторитетностію и однажды навсегда опредѣлено: „не затруднять обращающихся изъ язычниковъ“ въ христіанство обязательнымъ требованіемъ обрѣзываться по закону ветхозавѣтному (15, 19). Послѣ этого весь вопросъ оказывался исчерпаннымъ. Правда этотъ вопросъ и впослѣдствіи подымался въ нѣкоторыхъ языческихъ общинахъ, переходившихъ въ христіанство; но достаточно было нѣкотораго разъясненія его со стороны авторитетныхъ лицъ—и наступалъ опять миръ. Такъ было въ Галатіи и Римѣ. Въ Галатіи, по словамъ апостола Павла, среди новообращенныхъ христіанъ появились какіе-то „смутотворцы“ и „возмутители“ (Гал. 5, 10. 12), которые утверждали, что безъ обрѣзанія нельзя обойтись; но апостолъ раскрылъ галатамъ, что „если они обрѣзываются, то не будетъ имъ никакой пользы (въ этомъ) отъ Христа“ (5, 2), и требовалъ, чтобы смутотворцы были удалены изъ среды галатійскихъ христіанъ (5, 12), что безъ сомнѣнія и было исполнено. Мы не видимъ такимъ образомъ никакихъ споровъ здѣсь изъ-за обрѣзанія. Было искушеніе со стороны какихъ-то лицъ іудействующаго характера—и только. О появленіи же какой-либо вражды между христіанами изъ-за вопроса нѣтъ и помину. Умѣстно еще отмѣтить, что смутотворцы, склонявшіе Галатовъ принимать обрѣзаніе, указывали послѣднимъ не столько догматическое, сколько повидимому практическое значеніе для нихъ этого ветхозавѣтнаго обряда. Апостолъ пишетъ: „желающіе хвалиться по плоти (т. е. поборники обрѣзанія), принуждаютъ васъ обрѣзываться только для того, чтобы (вамъ) не быть гонимыми за крестъ Христовъ“ (6, 12). Если не ошибаюсь, это значитъ, что соблазнители совѣтовали новообращеннымъ запечатлѣть себя обрѣзаніемъ для того, чтобы избавиться гоненій со стороны язычниковъ, ибо извѣстно, что приверженцы іудейской религіи пользовались толерантностью по законамъ римскимъ. И такимъ образомъ соблазнители предлагали новообращеннымъ въ сущности лазейку, благодаря которой они могли считаться іудеями, хотя они и были подлинными христіанами, и обманывать бдительность римлянъ, покрови-

тельственно относившихся лишь къ политеизму и іудаизму. Если мы правильно понимаемъ приведенный текстъ Павла [1]), то само собой разумѣется, что у галатійскихъ христіанъ, приклонившихъ было свой слухъ въ послушаніе іудаизма, и быть не могло съ кѣмъ-либо религіознаго спора изъ-за ветхозавѣтнаго кроваваго акта. Такъ было въ Галатіи; еще менѣе споровъ изъ-за этого акта можно находить въ Римѣ, къ христіанамъ котораго по какому-то поводу апостолъ обращался съ своими разсужденіями о тщетѣ обрѣзанія. По какому поводу Павелъ писалъ къ Римлянамъ, выражая свои евангельскія мысли объ этомъ обрядѣ—неизвѣстно. Думаю, что поводъ былъ отдаленный и проблематическій: всемірная столица не имѣла счастія услышать первую проповѣдь о Христѣ отъ кого-либо изъ апостоловъ. Предполагаютъ, что какой-нибудь римскій іудей (а такихъ было много), посѣтивъ Палестину, принялъ христіанство отъ апостоловъ во Іерусалимѣ, а возвратившись въ Римъ насадилъ его въ сердцахъ жителей этого города, распространивъ новое ученіе не только между своими единовѣрцами, но и между язычниками. Что удивительнаго, если этотъ насадитель или насадители, если ихъ было болѣе одного, проповѣдуя Христа, въ тоже время внушалъ новообращеннымъ изъ язычниковъ, что усвояя христіанство, не слѣдуетъ пренебрегать „обрѣзаніемъ“, которое узаконено самимъ Іеговою? Очень возможно, что Павелъ слышалъ объ этомъ поступкѣ іудействующихъ христіанъ въ Римѣ, и потому, при написаніи посланія къ римлянамъ, воспользовался представившимся случаемъ преподать наставленіе тѣмъ изъ нихъ, кто прельщались іудейскою законностію, и увѣрить ихъ, что рядомъ съ крещеніемъ водой нѣтъ мѣста еще для другого крещенія ножомъ. Павелъ писалъ: „не тотъ іудей, кто таковъ по наружности и не то (истинное) обрѣзаніе, которое наружно, на плоти; но тотъ Іудей, кто внутренно таковъ и то (истинное) обрѣзаніе, которое въ сердцѣ, по духу, а не по буквѣ“ (2, 29; 3, 1—2). Вотъ и все. Гдѣ же здѣсь споръ изъ-за мертвѣющаго обряда? Его не видно.

---

[1]) Возможны и другія толкованія этого текста. Такъ проф. Н. Н. Глубоковскій понимаетъ его иначе: „Обзоръ послан. къ галат.“, 141 — 143. Спб. 1902.

Всѣмъ извѣстный громовой лозунгъ Павла: „нѣсть Іудей, ни Еллинъ, вси бо вы едино есте о Христѣ“ (Гал. 3, 28) навѣки положилъ конецъ спорамъ о „преимуществахъ“ (Рим. 3, 2) ветхозавѣтнаго обрѣзанія.

Разсмотримъ другой споръ, на который Толстой смотритъ какъ на туманную зарю имѣющаго за тѣмъ наступить царства зла, царства сатаны, которое художникъ выдумалъ подъ вліяніемъ своей мрачной фантазіи. Разумѣемъ споръ объ идоложертвенныхъ яствахъ, хотя въ сущности это былъ споръ такъ сказать безъ лицъ споривших. Но что такое идоложертвенныя яства, и какое отношеніе могли имѣть къ нимъ христіане? Подъ идоложертвенными яствами нужно разумѣть все съѣстное, что фигурировало какъ приношеніе въ честь боговъ, мясо, вино, хлѣбъ, фрукты и т. п., язычники были щедры по этой части. Приносимаго на языческіе алтари часто бывало такъ много, что приноситель приглашалъ своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ на религіозный пиръ, въ составъ котораго входили главнымъ образомъ яства. побывавшія на жертвенникѣ и освященныя идольскимъ жрецомъ. Такія пиршества происходили или въ капищѣ (что съ тогдашней точки зрѣнія не представляло ничего зазорнаго, т. е. не считалось какимъ-либо оскорбленіемъ для храма (1 Кор. 8, 10) или въ языческихъ домахъ, гдѣ были тоже жертвенники, на которые возлагались приношенія для освященія (—10, 27); мало того: возможны были случаи, что жрецы, получая свои доли отъ идоложертвенныхъ яствъ, за ненадобностію продавали ихъ на торжищахъ [1]). Въ первыхъ двухъ случаяхъ, христіане могли находиться въ числѣ гостей хозяина-язычника и были угощаемы главнымъ образомъ, а можетъ быть и исключительно идоложертвеннымъ; въ послѣднемъ же изъ указанныхъ нами случаевъ христіанинъ, покупая съѣстное на рынкѣ, могъ по ошибкѣ купить идоложертвеннаго: этотъ случай впрочемъ не такъ важенъ и мы не будемъ принимать его во вниманіе при дальнѣйшей нашей рѣчи. Апостольская церковь совѣтовала христіанамъ избѣгать вкушенія идоложертвеннаго; такъ соборъ апостольскій 52 года постановляетъ, чтобы христіане береглись идо-

[1]) Проф. М. Голубева. „Обозрѣніе послан. Ап. Павла къ коринѳянамъ. стр. 172—173. Спб. 1861.

ложертвеннаго (Дѣян. 15, 20. 29). Повидимому, всѣ общества христіанскія древняго времени послушно слѣдовали этому апостольскому совѣту. Исключенія представляли лишь коринѳскіе христіане, или потому, что они точно не знали о постановленіи сказаннаго собора, или же потому, что они были очень своевольны, какъ это видно и изъ другихъ поступковъ этихъ христіанъ. Нѣкоторые изъ нихъ, являясь въ качествѣ гостей языческихъ устроителей пировъ, будетъ ли то въ капищѣ или въ домѣ, смѣло и рѣшительно, наравнѣ съ язычниками, принимали въ пищу идоложертвенное; другіе изъ христіанъ, присутствовавшихъ на тѣхъ же пиршествахъ, хотя и очень стѣснялись употреблять идоложертвенныя яства, однакожъ набравшись храбрости, по примѣру смѣлыхъ своихъ единовѣрцевъ, то же ѣли идоложертвенное. Такое положеніе вещей побудило апостола сказать свое авторитетное слово. Павелъ, какъ лицо, присутствовавшее на Апостольскомъ соборѣ, прекрасно зналъ опредѣленіе этого собора, но тѣмъ не менѣе не рѣшился прямо пресѣчь обычай, установившійся среди коринѳскихъ христіанъ. Онъ внушалъ: „мы знаемъ, что идолъ ничто; но не у всѣхъ такое знаніе“; есть, разсуждаетъ онъ, и такіе, которые не считаютъ идола за „ничто“, а за нѣчто обладающее какою-то силою, и потому, вкушая идоложертвеннаго, они боятся осквернѣнія.—Поэтому апостолъ совѣтуетъ смѣлымъ христіанамъ щадить совѣсть немощныхъ братій (1 Кор. 8, 4—12) и даетъ слѣдующее предписаніе: „если кто изъ невѣрныхъ позоветъ васъ, то все предлагаемое вамъ ѣшьте, безъ всякаго изслѣдованія; но если кто изъ христіанъ скажетъ вамъ: это идоложертвенное, не ѣшьте ради того, кто объявилъ вамъ и ради (своей) совѣсти“ (—10, 27—28).—Но гдѣ тутъ споръ и гдѣ споряшіе? Нѣтъ ни спора, ни спорящихъ. Христіане не спорятъ между собою и Павелъ не споритъ съ ними. Послѣдній спокойно рѣшаетъ одинъ изъ текущихъ вопросовъ тогдашней религіозной практики.

Между тѣмъ Толстой, принимая во вниманіе вышеизложенныя споры объ обрѣзаніи и идоложертвенномъ, которые и спорами могутъ быть наименованы лишь съ большею натяжкою, торжественно объявляетъ: изъ-за нихъ-то христіане „ожесточились другъ противъ друга“. Но откуда онъ знаетъ это? Исторія ничего такого не показываетъ. Приходится до-

пустить, что писатель взялъ это „ожесточеніе“ изъ собственной фантазіи. А подобный результатъ споровъ ему понадобился для того, чтобы доказать ту тенденціозную мысль, что будто съ теченіемъ времени появились въ христіанскомъ обществѣ обстоятельства, подготовлявшія какъ онъ выражается „возстановленіе ада“!

Какъ мы указали выше, вторымъ историческимъ моментомъ, подготовлявшимъ христіанскую жизнь къ сейчасъ упомянутой катастрофѣ—были чудеса, по сужденію Толстого. Онъ пишетъ, выставляя говорящимъ вмѣсто него знаменитаго діавола въ пелеринкѣ: „я сталъ внушать тѣмъ и другимъ (т. е. спорившимъ), что они могутъ доказывать истинность своего ученія (въ спорахъ) чудесами. Они повѣрили мнѣ и я устроилъ имъ чудеса. Устроить это было не трудно. Они всему вѣрили, что подтверждало ихъ желаніе однимъ быть въ истинѣ“. Въ приведенныхъ словахъ, Толстой, по примѣру іудеевъ, утверждавшихъ, что Христосъ совершалъ чудеса силою Вельзевула, выражаетъ мысль, что и христіане стали творить чудеса силою дьявола, но только онъ эту честь приписываетъ второстепенному дьяволу, слугѣ Вельзевула, дьяволу въ пелеринкѣ. Мы однакожъ не должны думать, что въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію знаменитаго писателя, этотъ злой духъ научилъ христіанъ устроять чудеса. Толстой не вѣритъ въ бытіе міра злыхъ духовъ: дьяволъ въ настоящемъ случаѣ есть лишь персонификація. Персонификація эта означаетъ лишь то, что христіане, прибѣгая къ чудесамъ, и сами обманывались и обманывали другъ друга. Здѣсь, конечно, не мѣсто разсуждать о достовѣрности и благодатномъ происхожденіи христіанскихъ чудесъ, а потому мы оставимъ эту задачу въ сторонѣ и пойдемъ принятымъ нами путемъ историческимъ. Приведенная тирада Толстого, касающаяся чудесъ, настолько безсодержательна, что мы ограничимся самыми краткими замѣчаніями по ея поводу. Мы рѣшительно отрицаемъ, что чудеса древне-христіанскихъ временъ, точнѣе апостольскаго вѣка, появились съ цѣлію брать верхъ въ спорахъ однихъ представителей христіанскаго ученія предъ другими. При этомъ можно допускать, что чудеса появились ранѣе возникновенія какихъ-бы то ни было споровъ въ первохристіанскомъ мірѣ,—говоримъ: можно допускать и это даже въ

томъ случаѣ, если ставъ на точку зрѣнія гиперкритикановъ—изслѣдователей, къ какимъ, конечно, принадлежитъ и Толстой, будемъ обходиться безъ помощи книги „Дѣяній", которую отрицательная критика относитъ къ числу не совсѣмъ достовѣрныхъ произведеній христіанской древности. Разумѣется, это послѣднее мы дѣлаемъ, для того, чтобы избѣгнуть упрека въ неравномѣрности оружія нашего и нашихъ противниковъ. Мы построимъ нашу оппозицію Толстому лишь на такихъ посланіяхъ Павла, которыя признаются и самою отрицательною критикою за подлинныя и достовѣрныя. Въ посланіи къ римляномъ этотъ апостолъ говоритъ: „я не осмѣлюсь сказать, что-либо такое, чего не совершилъ Христосъ чрезъ меня, *въ покореніи язычниковъ*, словомъ и дѣломъ, силою знаменій и чудесъ" и т. д. (—15, 18—19). Изъ приведенныхъ словъ Павла открывается, что чудесами онъ сталъ пользоваться и пользовался лишь для распространенія христіанства между язычниками, между язычниками, съ которыми, конечно, у него не могло возникать никакихъ споровъ, въ родѣ тѣхъ, какіе описаны были выше. Тоже находимъ и въ другомъ посланіи Павла, именно во 2-мъ къ коринѳяномъ. Апостолъ языковъ пишетъ: „признаки апостола (т. е. признаки того, что онъ былъ дѣйствительнымъ апостоломъ) оказались предъ вами всякимъ терпѣніемъ, знаменіями, чудесами и силами" (12, 12). И здѣсь Павелъ удостовѣряетъ, что чудеса онъ творилъ предъ язычниками—коринѳянами, единственно для того, чтобы доказать, что онъ посланъ къ нимъ для распространенія христіанской вѣры, при чемъ нѣтъ рѣчи о томъ, что онъ употребляетъ чудеса и въ спорахъ для подтвержденія истинности его ученія, а не для подтвержденія только его апостольства. Въ другомъ посланіи къ коринѳянамъ апостолъ упоминаетъ и о чудесахъ, совершаемыхъ прочими вѣрующими. Перечисляя дары, которыя раздаются Духомъ святымъ, онъ замѣчаетъ, что „иному (даруются) чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки" (1 Кор. 12, 10). Апостолъ точно не указываетъ, при какихъ условіяхъ коринѳскіе христіане пользовались принадлежащимъ имъ даромъ „чудотвореній"; поэтому вмѣсто того, чтобы пускаться въ область догадокъ, сдѣлаемъ по аналогіи слѣдующее заключеніе: коринѳяне пользовались своимъ да-

ромъ для той же цѣли, съ которой прибѣгалъ къ чудесамъ апостолъ языковъ—съ цѣлію обращенія язычниковъ къ вѣрѣ Христовой. Замѣтимъ еще, что Павелъ, говоря о чудесахъ, имъ совершенныхъ, не указываетъ, съ какого именно времени сталъ онъ творить ихъ, и тѣмъ наводитъ на мысль, что чудеса всегда составляли принадлежность его апостольской дѣятельности, значитъ: прежде чѣмъ поднялся какой-либо споръ между христіанами.

Сейчасъ разобранной тирадой Толстой однакожъ не ограничиваетъ свое кощунство надъ чудесами христіанскими, онъ еще прибавляетъ: пустившись въ чудеса, одни изъ доказавшихъ истинность своего ученія этимъ способомъ, „говорили про другихъ: чудеса ваши не настоящія, наши настоящія, а тѣ говорили про этихъ: нѣтъ, ваши не настоящія, а наши настоящія. Дѣло шло хорошо“, иронизируетъ Толстой устами дьявола. Такимъ образомъ, однимъ изъ условій, подготовлявшихъ, имѣвшее будто-бы послѣдовать, паденіе царства Божія, по увѣренію нашего писателя, было появленіе состязаній христіанъ на чудесахъ, споръ о томъ: у кого изъ двухъ препирающихся сторонъ истинныя чудеса, хотя они (чудеса) на дѣлѣ были ложными у всѣхъ.— На какіе историческіе факты онъ хочетъ здѣсь указать, мы затрудняемся понять. Одно несомнѣнно: въ вѣкъ апостольскій не имѣло мѣста состязаніе спорящихъ между собою христіанъ объ истинныхъ и не истинныхъ чудесахъ. Болѣе или менѣе ясныя указанія на подобное явленіе находимъ лишь въ литературѣ II вѣка, но и эти указанія не имѣютъ того смысла, который такъ нуженъ Толстому. Разсмотримъ эти указанія, тѣмъ болѣе, что они немногочисленны и удобовразумительны. Одинъ изъ подходящихъ къ изучаемому случаю фактовъ отмѣченъ въ сочиненіи св. Иринея Ліонскаго (II вѣк.). Вотъ что у него разсказывается: былъ одинъ лжеучитель, гностикъ Маркъ. Его (всегда окружалъ сонмъ поклонниковъ и поклонницъ; эти послѣднія, такъ сказать маркосіанки, служили ему и душой и своимъ тѣломъ. Онъ самъ или же сами маркосіанки въ его присутствіи совершали Евхаристію, при чемъ происходили слѣдующія немудрыя чудеса: чаши, наполненныя бѣлымъ виномъ, подверглись метаморфозѣ: вино дѣлалось въ нихъ краснымъ или багровымъ; или же: Маркъ приказывалъ своимъ поклонни-

намъ переливать вино изъ малой чаши въ большую, при чемъ какимъ-то образомъ большая чаша становилась полною, хотя ее наливали виномъ изъ меньшей чаши. Св. Ириней ни минуты не сомнѣвался, что чудеса эти—вздоръ. То есть онъ заявлялъ, что чудеса эти не настоящія [1]). Что чудеса Марка сущій вздоръ, это подтверждаетъ и извѣстный Ренанъ, называющій продѣлки еретика фокусами, которые устроялись при помощи какой-то химической реакціи. Но и этотъ разсказъ Иринея не даетъ того, что такъ нужно Толстому. У христіанъ не происходитъ состязанія съ Маркомъ изъ-за истинности чудесъ. Христіане и св. Ириней отвергаютъ чудодѣйство еретика, вовсе не считая себя обязанными противопоставить его чудесамъ свои чудеса.—Гораздо болѣе на руку Толстому другой разсказъ о чудесахъ истинныхъ и неистинныхъ, разсказъ, находящійся въ апокрифическомъ произведеніи конца II-го же вѣка, подъ заглавіемъ „Дѣянія Петра“ (т. е. апостола Петра: Acta Petri). Передадимъ этотъ разсказъ, передадимъ его съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что наконецъ-то Толстой, повидимому, можетъ опереться въ своихъ разсужденіяхъ на фактъ, записанный въ такомъ древнемъ христіанскомъ сочиненіи и относящійся къ вѣку апостольскому. Это было въ Римѣ. Однажды ночью является Христосъ апостолу Петру и обѣщаетъ ему, что въ ближайшій субботній день онъ—Петръ (будетъ вести нѣкую борьбу, сотворитъ много знаменій и чудесъ, вслѣдствіе чего множество народа обратится къ вѣрѣ. Дѣйствительно въ назначенный день у Петра произошла борьба съ Симономъ волхвомъ. Дѣло было такъ: послѣ обмѣна рѣчами Петра съ Симономъ, городской префектъ Агриппа привелъ одного изъ своего малолѣтнихъ рабовъ и приказалъ Симону, чтобы онъ умертвилъ мальчика, а Петру, чтобы онъ воскресилъ убитаго. Приказаніе префекта тѣмъ и другимъ было исполнено въ точности. Затѣмъ апостолъ воскресилъ еще сына вдовицы; за тѣмъ мать одного скончавшагося сенатора просила его возвратить къ жизни ея умершаго сына. Петръ склонился на ея просьбу и разрѣшилъ принести покойника, и когда это было сдѣлано, онъ сказалъ собравшемуся народу: пусть онъ, народъ, самъ теперь

[1]) Противъ ересей, кн. I, гл. 13.

рѣшитъ—кто изъ двоихъ: Петръ или Симонъ имѣютъ дѣйствительную вѣру въ живого Бога; при чемъ апостолъ объявилъ, что сначала пусть попытается воскресить умершаго Симонъ, а когда ему не удастся это, чудо совершитъ самъ Петръ. Симонъ на предложеніе возвратить жизнь умершему, отвѣчалъ слѣдующимъ предложеніемъ народу: согласны ли вы изгнать Петра изъ Рима, если увидите, что я воскресилъ мертваго? Народъ отвѣчалъ: мы не только согласны изгнать его, но мы рѣшились даже сжечь его въ туже минуту. Тогда Симонъ волхвъ приближается къ головѣ умершаго, трижды надъ нимъ восклоняется и показываетъ народу, что мертвецъ начинаетъ шевелиться, поднимаетъ голову и открываетъ глаза. Толпа хочетъ предать Петра огненной смерти, но онъ обращается къ народу съ словомъ и говоритъ, что напрасно они вѣрятъ обманщику: пусть мертвецъ встанетъ и заговоритъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ ожилъ, объявлялъ апостолъ. Въ это время префектъ Агриппа взялъ за руку Симона и отвелъ его отъ одра; когда онъ это сдѣлалъ, то увидѣлъ, что мертвецъ опять сталъ недвижимъ. Понявшая свой обманъ, толпа хотѣла было сейчасъ же возвести Симона на костеръ и сжечь, но Петръ принялъ всѣ мѣры, чтобы отклонить народъ отъ такого намѣренія. Затѣмъ онъ самъ подошелъ къ одру мертвеца, сталъ молиться, коснулся боковъ умершаго и приказалъ ему встать, и вотъ этотъ послѣдній поднялся съ постели, заговорилъ и сталъ ходить. Послѣ этого Петръ обратился къ народу съ увѣщаніемъ покинуть идолопоклонство и сотворилъ много чудесъ. Далѣе разсказывается, что хотя Симонъ волхвъ и былъ побѣжденъ, но онъ чрезъ нѣсколько времени снова появляется среди народа и обѣщаетъ на этотъ разъ одолѣть апостола. Но такъ какъ народъ не хотѣлъ, чтобы его вторично одурачили, то Симонъ наконецъ объявилъ римлянамъ, что онъ на слѣдующій день покажетъ свою чудодѣйственную силу и вознесется на небо къ своему отцу. На другой день собралась огромная толпа народа, чтобы видѣть его полетъ. Симонъ воззвалъ къ толпѣ, что онъ теперь на глазахъ всѣхъ поднимается къ своему Богу, и дѣйствительно понесся надъ храмами и городскими холмами. Но въ это время Петръ началъ умолять Господа, чтобы Онъ позволилъ Симону низвергнуться на землю, но такъ, чтобы этотъ не

потерпѣлъ смерти, а сломалъ бы себѣ ногу. Симонъ падаетъ на землю, ударяется объ камень и разшибаетъ себѣ ножную кость на три части. Затѣмъ его кладутъ на носилки, оперируютъ ему ногу, но онъ умираетъ [1]). Вотъ разсказъ о состязаніи на чудесахъ. Но Толстому онъ оказываетъ мало помощи, потомучто разсказъ изобрѣтенъ еретиками-гностиками и не находилъ себѣ вѣры въ сердцахъ православныхъ людей. Это и не удивительно: православные люди знали и читали истинный разсказъ о Симонѣ волхвѣ, заключающійся въ книгѣ „Дѣяній“ и не имѣющій ничего общаго съ приведеннымъ, въ особенности по части соперничества въ чудотвореніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ главныя черты повѣствованія книги „Дѣяній“ объ этомъ лицѣ. Симонъ жилъ въ Самаріи и совершалъ разныя чудеса посредствомъ волхвованія. Но когда множество самарянъ приняло крещеніе отъ апостола Филиппа, то крестился и Симонъ. Затѣмъ, когда потомъ апостолы Петръ и Іоаннъ чрезъ возложеніе рукъ сообщили дары Духа св. новокрещеннымъ, тогда и Симонъ захотѣлъ обладать даромъ сподоблять Духа св., почему онъ и обратился къ названнымъ апостоламъ съ просьбой продать ему эту власть. Но Петръ обличилъ его и приказалъ ему покаяться, что и сдѣлалъ Симонъ; тѣмъ дѣло и кончилось (Дѣян. 8, 9—24). Вообще мы усматриваемъ, что надежды Толстого и на этотъ разъ не оправдались.

Такимъ образомъ мы пересмотрѣли всѣ факты, на которые ссылается онъ для доказательства мысли, что будто бы была такая пора въ древней исторіи христіанства, когда появились грозные признаки имѣющаго вскорѣ послѣдовать паденія блаженнаго царства Христова. Такой поры не было и такихъ признаковъ не оказывается. Ради своей тенденціи онъ изказилъ, извратилъ и истолковалъ факты, вопреки ихъ природѣ и подлинному смыслу.

Одинъ изъ самыхъ неизвинительныхъ недостатковъ, уже разсмотрѣнныхъ нами частей сочиненія Толстого, составляетъ хронологическая путаница въ нихъ, превращающая работу этого писателя въ хаосъ. Дѣло въ слѣдующемъ: для его тенденціозныхъ цѣлей необходимо было, чтобы сначала,

---

[1]) Conard. Altchristliche Sagen über das Leben der Apostel. Въ Neue kirchl. Zeitschrift, 1903. S. 657—658.

въ первый періодъ христіанской исторіи все было превосходно, но чтобы затѣмъ во второй періодъ тойже исторіи уже наступилъ угрожающій печальными послѣдствіями кризисъ. Для того, чтобы оправдать это дѣленіе давней христіанской исторіи на два періода: самолучшій и хирѣющій, ему необходимо было имѣть во своемъ распоряженіи факты, дѣйствительно относившіеся къ двумъ періодамъ времени, слѣдовавшимъ одинъ за другимъ. Но имѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ Толстой въ своемъ распоряженіи факты, принадлежащіе къ двумъ разнымъ періодамъ времени? Отнюдь, нѣтъ. Онъ очень предусмотрительно поступилъ, когда ни счелъ нужнымъ обмолвиться ни единымъ словомъ о томъ, какіе вѣка или года обнимаетъ первый его періодъ и какіе—второй. Толстой, какъ птица страусъ, прячущая свою голову при видѣ опасности, припряталъ свои манипуляціи отъ глазъ читателя, вообразивъ, что не всѣ же догадаются, въ чемъ онѣ состоятъ. Но разглядѣть ихъ и догадаться, въ чемъ фокусъ, вовсе не трудно. Въ существѣ дѣла, всѣ факты, на которыхъ ссылается Толстой, относятся лишь къ вѣку апостольскому и только изъ этого вѣка заимствуются; мало того, эти факты обнимаютъ не всю эпоху апостольскую, а приблизительно до смерти апостоловъ Петра и Павла, т. е. до средины 60-хъ годовъ I-го вѣка [1]), а такъ какъ нашъ писатель совершенно не касается эпохи жизни Іисуса Христа и очевидно оставляетъ эту за рамками своего произведенія, то выходитъ, что періодъ времени, подлежащій его изученію здѣсь составляютъ годы отъ смерти и воскресенія Господа до 65 года, т. е. около 35 лѣтъ всего навсего. И вотъ въ это-то до крайности малое пространство времени ему приходится втиснуть исторію цѣлыхъ двухъ стадій развитія: 1) самолучшаго состоянія христіанства и 2) того состоянія его, которое будтобы обнаруживало, что христіанство начинало хирѣть. Предупреждаемъ слушателей, что, разсуждая такъ, мы вовсе не прибѣгаемъ къ софистической манерѣ низведенія мыслей противника къ абсурду (ad absurdum):

[1]) Ради сохраненія единства въ хронологіи апостольскаго вѣка, мы присоединяемся къ той хронологіи вѣка, которая установлена знаменитымъ библеистомъ, можетъ быть первымъ библеистомъ, Zahn'омъ въ его книгѣ: Einleitung in das neue Testament (B. II, Leipz., 1900. Zeittafel, s. 644—647).

въ этомъ мы не ощущаемъ надобности. И пусть бы еще возможно было найти хоть какую-нибудь грань, раздѣляющую 35-лѣтнее пространство времени на двѣ стадіи, но конечно этого быть не можетъ! Исторія ясно показываетъ, что факты, относимые Толстымъ ко двумъ разнымъ стадіямъ, на самомъ дѣлѣ происходятъ одновременно и являются параллельными; въ доказательство укажемъ, хоть на слѣдующее: ненавистное для Толстого развитіе чудодѣйственной дѣятельности представителей христіанства встрѣчается съ столь достолюбезнымъ для автора общеніемъ въ имуществахъ (коммунизмъ)—встрѣчается не только въ одно и тоже время въ вѣкѣ апостольскомъ, но даже именно въ самомъ началѣ его въ первые 5 лѣтъ его, да и при томъ можно утверждать, если не станемъ сомнѣваться въ авторитетности книги „Дѣяній“ [1]), что чудеса предшествовали общенію въ имуществахъ [2]) (а это еще хуже для теорій Толстого); или еще укажемъ на то наблюденіе, что добродѣтельная жизнь первыхъ христіанъ не представляла собой характеристической черты для какой-нибудь одной части апостольскаго вѣка, а наполняла весь этотъ вѣкъ, а потому нѣтъ никакихъ основаній считать ее, какъ дѣлаетъ Толстой, принадлежностію лишь того времени, когда не было еще разсужденій объ обрѣзаніи и вопроса о идоложертвенномъ, ибо добродѣтельная жизнь конечно не изсякла и во время этихъ явленій, о чемъ много и говорить не за чѣмъ. Хронологическій хаосъ, какъ видимъ, окончательно дискредитируетъ теорію Толстого. Мы даже не можемъ дать себѣ хоть сколько нибудь ясный отчетъ о томъ, да какъ это произошло у Толстого? Неужели знаменитый писатель въ такой мѣрѣ лишенъ логики? Неужели онъ не могъ видѣть, что всѣ факты, на которые онъ ссылается, переплетены между собой въ исторіи и создать на нихъ два противоположныхъ періода можно, лишь отрицая не только историческую методологію, но и требованія простой логики. Въ самомъ дѣлѣ, сначала толстовскому „аду“ слѣдовало разрушиться, а потомъ по-

[1]) Во всякомъ случаѣ графъ Толстой долженъ разрѣшить намъ это, ибо свои свѣдѣнія о томъ, что у первыхъ христіанъ „все считалось общимъ“ самъ онъ могъ получить *единственно* изъ кн. *Дѣяній*.

[2]) Дѣян. 2, 43 (упоминаніе о чудесахъ) и 2, 44 (первое упоминаніе о „общеніи имѣній“).

степенно возстановляться, но изъ приводимыхъ имъ фактовъ выходитъ совсѣмъ не то: разрушается и возстановляется адъ у него одновременно или лучше сказать: адъ еще не разрушился, какъ началъ уже возстановляться этотъ же адъ! Teneatis risum, amici!

III.

Намъ остается разсмотрѣть третью и послѣднюю часть историческихъ разсужденій нашего автора касательно дальнѣйшаго хода жизни христіанскаго общества. Здѣсь у него мы находимъ лишь однѣ насмѣшки и глумленія, по адресу всей совокупности обозрѣваемыхъ имъ явленій. Девизомъ этой части его произведенія служитъ одно слово „церковь", самое ненавистное для слуха его слово. Толстой начинаетъ при этомъ случаѣ свою рѣчь раскрытіемъ вопроса: откуда взялась церковь въ христіанскомъ мірѣ? „Дѣло шло хорошо, разсуждаетъ на этотъ разъ, кажется, не аллегорическій, а дѣйствительный дьяволъ у Толстого,—„но я боялся, какъ бы (зачарованные обманными чудесами) христіане не увидѣли слишкомъ очевиднаго обмана, и тогда я—похваляетъ самъ себя дьяволъ—выдумалъ.... церковь. И когда они повѣрили въ церковь, я успокоился, я понялъ, что мы (т. е. дьяволы) спасены" (значитъ, они спасены церковію, нечего сказать: трогательное дружество, замѣтимъ). А на вопросъ: что же такое церковь, діаволъ отвѣчалъ слѣдующею невозможною хулою: „а церковь это то, что когда люди лгутъ и чувствуя при этомъ, что имъ не вѣрятъ, начинаютъ ссылаться на Бога и говорить: „ей Богу правда то, что я говорю". „Это собственно и есть церковь", замѣчаетъ Толстой [1]).

Остановимся пока на вышеприведенныхъ словахъ несдержаннаго писателя. Прежде всего, замѣтимъ мимоходомъ, что напрасно онъ отрываетъ церковь отъ перваго блестящаго періода христіанской исторіи. Не говоря ужъ о книгахъ евангельскихъ, даже въ посланіяхъ Павла находятся недву-

[1]) Беру на себя смѣлость сдѣлать поправку къ словамъ автора и сказать: если по сужденію Толстого, „это собственно и есть церковь", то мы напротивъ должны утверждать, что это собственно жилище „отца лжи" (Іоан. 8. 44), т. е. безспорно адъ.

смысленныя указанія на полное развитіе церковію своей дѣятельности еще задолго до смерти этого апостола (1 Кор. 12, 12 — 28. Ефес. 5, 23—32). Но не будемъ много останавливаться на этомъ, безъ сомнѣнія умышленномъ, анахронизмѣ, тѣмъ болѣе, что какъ мы уже знаемъ, съ хронологіей не стоитъ же считаться такому великому писателю, каковъ Толстой. Обратимся къ оцѣнкѣ приведенныхъ словъ его, по ихъ существу. Что мы, примѣрно, подумаемъ и какъ назовемъ человѣка, который, говоря о какомъ-нибудь общественномъ правовомъ учрежденіи, существующемъ цѣлыя столѣтія и многими, если не всѣми, уважаемомъ, вдругъ сказалъ бы, что это учрежденіе дьявольское? Конечно мы подумаемъ, а пожалуй и назовемъ такого человѣка лишеннымъ всякихъ правилъ приличія. Не то ли же самое имѣетъ право думать и такъ называть Толстого каждый, кто не принадлежитъ къ числу лицъ, падающихъ ницъ предъ этимъ писателемъ, если таковой даже поверхностно вникнетъ въ смыслъ словъ, сейчасъ приведенныхъ и касающихся чего же? происхожденія церкви! Какъ извѣстно, въ Москвѣ существуетъ много разныхъ такъ называемыхъ обществъ: историческое, педагогическое, Россійской словесности, невропатологовъ, велосипедистовъ, гувернантокъ, любителей лыжнаго спорта, даже оффиціантовъ и пр. Теперь представимъ такой случай: кто нибудь, въ присутствіи Толстого, сказалъ бы о членахъ общества оффиціантовъ или велосипедистовъ. что они только и дѣлаютъ, что „лгутъ [1]), а чувствуя, что имъ не вѣрятъ“, беззастѣнчиво клянутся: „ей Богу правда то, что я говорю“. Нѣтъ сомнѣнія, сердобольный графъ остановилъ бы такого ругателя и заявилъ бы: „но позвольте, въ этомъ обществѣ есть и лица очень достойные“. Почему же одна церковь составляетъ для него такое печальное исключеніе? Неужели въ церкви нѣтъ и не можетъ быть достойныхъ всякаго почтенія людей, считающихъ для себя безчестіемъ допустить и малѣйшую ложь? А въ своей совокупности: что такое церковь? Не есть ли это такое учрежденіе, лучше, выше, жизненнѣе, гуманнѣе, универсальнѣе

---

[1]) (Первые когда подаютъ довѣрчивымъ потребителямъ фальсифицированныя напитки, а вторые когда хвалятся своими успѣхами по части излюбленнаго спорта).

и я сказалъ бы: спасительнѣе, если бы такое слово находилось въ лексиконѣ Толстого, — нѣтъ въ мірѣ и быть не можетъ? Мы сознаемся, что наше опредѣленіе церкви нуждается въ разъясненіяхъ и доказательствахъ, въ опроверженіи разнаго рода неправильныхъ представленій о существѣ церкви; но, само собой разумѣется, все это можно сдѣлать или въ отдѣльной монографіи или по крайней мѣрѣ отдѣльной лекціи. Во всякомъ случаѣ возникаетъ тягостный вопросъ: почему Толстой говоритъ о церкви такъ, какъ онъ безъ сомнѣнія не позволилъ бы говорить въ своемъ присутствіи, даже о такихъ корпораціяхъ, которыя руководятся цѣлями слишкомъ несерьезными или формируются чуть ли не изъ такъ называемыхъ подонокъ общества? Какъ бы то ни было, мы приписываемъ такое отношеніе его къ церкви не разуму его, а лишь его чувству, утратившему равновѣсіе. Право, если дадимъ вѣру словамъ Толстого, то придется думать, что церковь поучалась добродѣтели у Горькаго „на днѣ“.

Св. ап. Павелъ называетъ церковь „столпомъ и утвержденіемъ истины“ (1 Тим. 3, 15); а Толстой, какбы въ оппозицію апостолу, признаетъ ее наоборотъ, столпомъ и утвержденіемъ лжи. Кому же мы повѣримъ: Павлу или Толстому? Павелъ всему христіанскому міру говорилъ, что „отъ самого Господа принялъ онъ то, что передалъ“ намъ (1 Кор. 11, 23); графъ же Толстой ничего не говоритъ о томъ, кто внушилъ ему ученіе о церкви, столь противоположное Павлову. Съ своей стороны мы считаемъ безполезнымъ трудомъ разыскивать источникъ подобныхъ его знаній. Для насъ достаточно будетъ помнить одно: что Толстой несомнѣнно „во истинѣ не стоитъ“ (Іоан. 8, 44).

Но продолжимъ разборъ логомахіи тогоже писателя касательно церкви. Онъ пишетъ: „люди, признавшіе себя церковію, увѣряютъ, что они не могутъ заблуждаться и потому какую-бы глупость они не сказали, уже не могутъ отъ нея отрѣчься. Дѣлается же церковь такъ: люди увѣряютъ себя и другихъ, что Учитель ихъ—Богъ, во избѣжаніе того, чтобы открытый Имъ (т. е. учителемъ) для людей законъ не былъ перетолкованъ, избралъ особенныхъ лицъ, которыя одни или тѣ, кому они передадутъ эту власть, могли бы правильно толковать ученіе. Выгода этого пріема (пояснимъ: для царства

діавола) та, что какъ скоро люди сказали про себя что они церковь и на этомъ утвержденіи построили свое ученіе, то они не могутъ уже отречься отъ того, что сказали: какъ бы нелѣпо ни было сказанное и чтобы не говорили другіе люди". Если мы оставимъ въ сторонѣ рѣзкія выраженія, въ которыя вкладываетъ свои мысли Толстой, то въ существѣ дѣла оказывается, что въ приведенной тирадѣ этотъ писатель, подвергаетъ, какъ ему кажется, неопровержимой критикѣ понятіе о непогрѣшимости церкви. Нужно сказать, въ свѣтскомъ обществѣ можно встрѣчать множество самыхъ неправильныхъ представленій о церкви: одни отожествляютъ понятіе церкви съ понятіемъ іерархіи, священноначальство другіе съ церковнымъ обрядословіемъ, какъ раскольники да и не одни раскольники, третьи даже съ богословской литературою даннаго времени и т. п. Само собой понятно, что съ каждой изъ этихъ точекъ зрѣнія непогрѣшимость церкви представляется какимъ-то миѳомъ. Въ самомъ дѣлѣ, іерархія можетъ вести жизнь дурную и по своему развитію стоять много ниже современнаго свѣтскаго общества; обряды же представляютъ нѣчто неустойчивое и измѣнчивое, съ чѣмъ не мирится понятіе о непогрѣшимомъ характерѣ церкви; а богословская литература того или другого времени можетъ быть въ большинствѣ ея и прямо не умна. Я увѣренъ, что Толстой держался ранѣе какого-нибудь вульгарнаго, и слѣдовательно извращеннаго представленія о непогрѣшимости церкви, а потому онъ такъ и возмущается и издѣвается по поводу этого ученія. Если мы ближе вникнемъ въ смыслъ сейчасъ приведенныхъ словъ его, то придемъ къ тому, кажется, безошибочному заключенію, что непогрѣшимость имѣетъ своимъ хранилищемъ, по его представленію, іерархію даннаго времени. Очевидно, онъ разсуждаетъ: всѣ архіереи и священники въ отдѣльности несомнѣнно могутъ впадать въ заблужденія, какъ и прочіе люди. Слѣдовательно и всѣ они, сколько бы ихъ ни было въ данное время, хотя бы они дѣйствовали сообща, наприм. на соборахъ, не могутъ быть органами ученія, которое выдается церковію за непогрѣшимое. Разумѣется, мы не станемъ отказывать такому разсужденію въ логической правильности. И тѣмъ не менѣе, дальнѣйшій выводъ Толстого, что церковь можетъ провозглашать всякую глупость (оставляемъ это неприличное вы-

раженіе на отвѣтственности автора его) и выдавать ее за неизмѣняемую истину—совершенно не вѣренъ. Церковь не говорила, не говоритъ и не можетъ говорить никакихъ глупостей. Мы не думаемъ однакожъ пускаться въ область догматическаго ученія о церкви. Это значило бы объясняться съ Толстымъ на невѣдомомъ для него языкѣ. Какъ раньше, такъ и теперь, въ своихъ раскрытіяхъ будемъ держаться преимущественно раціональнаго пути. Мы не желаемъ, чтобы какой-нибудь толстовецъ (самъ Толстой, конечно, никогда не узнаетъ о томъ, что вотъ я—здѣсь разбираю его тезисы) сказалъ, что мы увиливаемъ и переносимъ вопросъ въ сферу, давно оставленную разсматриваемымъ писателемъ и напередъ имъ осуждаемую. Ограничиваю свою задачу полемики съ Толстымъ и объявляю людямъ, слѣпо слѣдующимъ по пятамъ за нимъ, что церковь глупостей никогда не говорила. Мы должны помнить, что разбираемое нами сочиненіе Толстого въ той его части, которая такъ насъ заинтересовала, носитъ характеръ этюда изъ исторіи церкви давняго времени (напр. ни о русской церкви, ни о протестантствѣ, ни о римско-католичествѣ послѣднихъ столѣтій онъ ни слова не говоритъ въ своемъ произведеніи), за періодъ времени никакъ не позже реформаціи; а когда онъ говоритъ объ ученіи, вырабатываемомъ церковію, то очевидно онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ классическую эпоху вселенскихъ соборовъ. Но не бойтесь, я не поведу васъ въ лабиринтъ исторіи вселенскихъ соборовъ, это завлекло бы насъ далеко. Вселенскіе соборы важны для Толстого только потому, что они рѣшали догматическіе вопросы и составляли опредѣленія, имѣющія значеніе непогрѣшимаго церковнаго ученія. И нѣтъ сомнѣнія, между этими опредѣленіями онъ мысленно болѣе всего останавливается на символѣ вѣры нашей церкви, этомъ вѣковѣчномъ результатѣ ихъ догматизирующей дѣятельности. Съ вышеуказанной точки зрѣнія Толстого, ему конечно представляется этотъ символъ отнюдь не имѣющимъ характера непогрѣшимости. Однакожъ онъ ошибается. Вселенскіе соборы не извлекали своего ученія изъ умовъ епископовъ, присутствовавшихъ на нихъ; если бы было такъ, то опредѣленія этихъ соборовъ были бы погрѣшительны или относительно непогрѣшительны, смотря по талантамъ и познаніямъ, какими присутствовавшіе здѣсь епи-

скопы отличались. Нѣтъ, епископы здѣсь были только органами, при посредствѣ которыхъ опредѣлялось и возвѣщалось церковное ученіе. Мысль, которую выражало данное ученіе, имѣла всегда при этомъ одинъ и единственный источникъ, непогрѣшимое Новозавѣтное Евангеліе, т. е. совокупность свящ. книгъ, содержащихъ евангельское ученіе; формулировка же ученія, опредѣляемаго вселенскими соборами заимствовалась изъ церковнаго преданія (церковное преданіе можно назвать, замѣчу въ скобкахъ, подсказываніемъ истины, истины, исключительно истекающей изъ св. Писанія). Такъ произошелъ и вселенскій символъ, выработанный на соборахъ. Поэтому онъ заключаетъ въ себѣ непогрѣшимое ученіе, изреченное церковію. Надѣемся, что и графъ Толстой не очень сталъ бы спорить противъ нашихъ разъясненій. И вотъ почему. Знаменитый писатель, какъ извѣстно, воспринялъ на себя необыкновенную задачу возвѣстить міру новое евангеліе. Новое евангеліе возможно выкроить лишь изъ стараго Евангелія, общехристіанскаго Евангелія; такъ и поступаетъ Толстой, что онъ даже и вмѣняетъ себѣ въ великую заслугу. Да будетъ! Но мы осмѣлились бы спросить Толстого: каково его новое евангеліе: заключаетъ ли оно чистое, точное и безошибочное христіанское ученіе или же невѣрное и ошибочное? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Если свое евангеліе Толстой признаетъ чистымъ и безошибочнымъ ученіемъ, то—спросимъ—почему оно вышло такимъ: потому ли, что оно истекаетъ изъ непогрѣшимаго ума человѣка, родившагося въ Ясной Полянѣ, или же потому, что оно извлечено изъ совершеннѣйшаго источника? Думаемъ, что онъ не рѣшится утверждать первое, ибо какъ мы уже знаемъ, на обыкновенныхъ людей онъ мало полагается, утверждая, что они при всяческихъ обстоятельствахъ не гарантированы отъ того, чтобы вмѣсто истины провозгласить, по его характеристическому выраженію, глупость. Значитъ, Толстой можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ только такъ: безошибочностію нашего новаго евангелія я обязанъ старому Евангелію. Этого съ насъ и достаточно. Если Толстой, имѣя въ рукахъ подлинное Евангеліе, можетъ изрекать вѣрное ученіе, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія отвергать, что и церковь, руководясь тѣмъ же Евангеліемъ, обладаетъ способностью—„правильно толковать уче-

ніе", какъ выражается онъ самъ. Итакъ, ничто не препятствуетъ церкви считать себя самое непогрѣшимою учительницею христіанской истины. Намъ кажется, что для того, чтобы имѣть право отрицать непогрѣшимость церкви, Толстой напередъ самъ долженъ объявить во всеуслышаніе: такъ какъ всѣ люди способны впадать въ заблужденіе, то и я ошибаюсь и заблуждаюсь, принимая на себя роль учителя вѣры. Во всякомъ случаѣ въ этомъ заключеніи Толстого будетъ болѣе неподкупной истины, чѣмъ въ какихъ другихъ его религіозныхъ постановленіяхъ.

Все, что еще говоритъ Толстой въ своемъ сочиненіи о состояніи христіанской церкви въ ея исторіи, имѣетъ своимъ назначеніемъ нарисовать яркую картину „возстановленія ада" въ сферахъ церковныхъ, ада, т. е. всякой неправды и жестокости. Это „возстановленіе ада" произошло, по его мнѣнію, въ церкви и учинено самою же церковію. Впрочемъ въ его разсужденіяхъ здѣсь мало оригинальнаго толстовскаго, а потому мы можемъ быстро обозрѣть нарисованную имъ картину.—По своему обыкновенію, Толстой не разъясняетъ намъ, съ какого времени появились тѣ прискорбныя картины, которыя онъ взялся живописать. Судя потому, что виновницей катастрофы Толстой считаетъ церковь, послѣ того, какъ она выработала, заставившее ее возгордиться, ученіе о томъ, что она преемница власти апостоловъ, а чрезъ нихъ и самого Основателя Христіанства, такъ, судя по этому воззрѣнію нашего писателя, нужно допускать слѣдующее: началомъ крушенія всѣхъ лучшихъ идеаловъ христіанства необходимо считать: или средину III вѣка, когда св. Кипріанъ очень точно формулировалъ это ученіе, или даже конецъ II вѣка, когда св. Иринеи Ліонскій раскрылъ основы того же ученія, конечно опираясь на авторитеты, достойныя всякаго почтенія [1]). И такимъ образомъ выходитъ, что церковь возстановила адъ, вѣроятно уже во II вѣкѣ и въ немъ, этомъ аду, она пребываетъ до настоящаго дня или же, вѣрнѣе, пребывала до появленія въ христіанскомъ мірѣ пятаго, новаго евангелія графа Льва Николаича. (Сей есть спасъ міру!!) [2]).

---

[1]) Противъ ересей. Кн. III, гл. 2 (2), гл. 3 (1), гл. 4 (1).

[2]) Іоан. 4, 42.

Послѣ того, какъ появилось въ древней церкви сейчасъ упомянутое ученіе, лице церкви изказилось, свѣтлый ликъ прежняго христіанства превратился въ мрачную образину, по увѣренію разбираемаго писателя. Если прежде христіане будто бы даже и не сердились другъ на друга, то теперь церковь озлобилась; если прежніе христіане платили добромъ за зло, то теперь церковь стала палачемъ; если прежде христіане не предавались женской прелести, то теперь церковь сама явилась учительницей разврата; если прежде христіане хорошо знали, какъ нужно жить христіанину и точно осуществляли въ жизни вѣрное пониманіе ими своихъ обязанностей, то теперь церковь вмѣсто дѣла занялась догматизирующимъ бездѣльемъ, почитая его за настоящее дѣло христіанское и забыла все то, что такъ хорошо знали раньше, т. е. первые христіане.

Къ счастію, Толстой, повидимому, помнитъ, что съ теченіемъ времени образовались двѣ до извѣстной степени отличныя между собой—церкви: греко-восточная и западная и характеризуетъ ихъ чертами не совсѣмъ одинаковыми. Самые сильные удары, онъ старается, по нашему мнѣнію, нанести западной церкви, а не столь сильные направляетъ противъ церкви греко-восточной.

Характеризуя западную церковь онъ обвиняетъ ее въ гордынѣ, развратѣ, человѣконенавистничествѣ, всякаго рода гоненіяхъ и насиліяхъ до огненныхъ казней включительно, въ извращеніи подлиннаго христіанскаго ученія. Мы не считаемъ себя призванными защищать западную церковь отъ обвиненій, возводимыхъ на нее нашимъ писателемъ. Ужъ одна инквизиція чего стóитъ? Однакожъ, никакъ нельзя отрицать того, что даже въ самыя мрачныя времена средневѣковья западная церковь хранила въ себѣ религіозный духъ, такъ ярко отпечатлѣвающійся въ ней и понынѣ. Этотъ духъ возродилъ въ ней Виклефа, Гусса, Лютера и др. Пусть они пошли не туда, куда намъ было бы желательно; но важно то, что западная церковь не подавила въ нихъ лучшихъ стремленій къ свѣту и свободѣ, а создала ихъ. Будемъ и къ ней справедливыми...

Что касается греко-восточной церкви, то Толстой предъявляетъ къ ней слѣдующія обвиненія: онъ ставитъ ей въ упрекъ ея бездѣльничество, именно то, что она, по словамъ

этого автора, усиливалась „знать то, что знать ей не нужно и чего она никогда не узнаетъ". Во вторыхъ, онъ обвиняетъ ее за то, что она совсѣмъ перестала „думать о томъ, какъ нужно жить", т. е. если не ошибаемся, обвиняетъ ее, такъ сказать въ отсутствіи принциповъ, и въ шаткости религіозной мысли.

Именно: первѣе всего Толстой говоритъ: Греко-восточная церковь „воображала въ старину, что самое важное дѣло— это знать подробности объ отношеніи между собою лицъ Троицы, о происхожденіи Христа (т. е. хочетъ сказать онъ: о предвѣчномъ рожденіи Сына Божія), о естествахъ Христа, о свойствѣ Бога и т. п." Считаю нужнымъ сказать, что я не понимаю, что разумѣетъ авторъ подъ вопросомъ: „о свойствѣ Бога"; такого рода споровъ совсѣмъ не было въ церкви. Но за то совершенно ясно, о чемъ онъ говоритъ, когда упоминаетъ Троицу, естества, происхожденіе Христа. Онъ указываетъ на аріанскіе, несторіанскіе, монофизитскіе и монофелитскіе споры, цѣлыя столѣтія волновавшіе эту церковь. Пусть споры эти не бѣдны картинами печальными; но не эта сторона возбуждаетъ неудовольствіе Толстого; а равно и не то, что результаты этихъ споровъ были не тѣ, какихъ хотѣлось бы Толстому, или кому-либо еще. Съ этихъ сторонъ всѣ эти споры многое множество разъ безпощадно раскритикованы протестантскими учеными. Совсѣмъ не объ этомъ говоритъ онъ здѣсь. Толстой порицаетъ эти споры принципіально. По его мнѣнію, не должно бы быть ни споровъ троичныхъ, ни христологическихъ. Не должно быть споровъ троичныхъ, потому что онъ отвергаетъ бытіе Сына Божія, какъ лица Троицы, и тѣмъ болѣе бытіе Духа св. А если никогда не существовало Сына и Духа, то безполезно и безсмысленно, съ его точки зрѣнія, стараться выяснить отношеніе несуществующихъ личностей къ личности Бога Отца. Что касается бытія Бога—Отца или точнѣе: Бога, то я не составилъ себѣ точнаго понятія — вѣритъ Толстой въ Бога или же отрицаетъ и Его бытіе. Во всякомъ случаѣ его ученіе о Богѣ носитъ характеръ пантеистическій или даже натуралистическій. Но впрочемъ этотъ вопросъ насъ мало интересуетъ въ настоящемъ случаѣ. По равной же причинѣ Толстой недоволенъ существованіемъ въ церкви споровъ христологическихъ. Христосъ, по взгляду Толстого, былъ

простой человѣкъ, а потому говорить объ отношеніи въ немъ двухъ естествъ божескаго и человѣческаго не имѣетъ смысла; потому что нельзя разсуждать серьезно объ отношеніи дѣйствительно существующаго предмета къ несуществующему. Для того, чтобы доказать, въ противность Толстому, что три лица Троицы дѣйствительно существуютъ, и что Христосъ есть Богочеловѣкъ, мы должны бы доказать достовѣрность евангелій; но это, конечно, заходитъ за предѣлы нашей скромной задачи.

Но пойдемъ дальше за Толстымъ. Подвергая своему суду исторію греко-восточной церкви, онъ, какъ мы указали раньше, упрекаетъ эту церковь въ безпринципности, въ колеблимости ея религіозной мысли [1]). Должны откровенно сознаться въ этомъ упрекѣ нашего писателя есть доля справедливости. Если оставимъ въ сторонѣ греческую церковь въ строгомъ смыслѣ этого слова, которая въ настоящее время представляетъ собой полумертвеца, такъ что знаменитый преосвящ. Порфирій считалъ себя вправѣ восклицать: „прозрѣніе въ будущность не обѣщаетъ ничего отраднаго и едвали не постигнетъ церковь восточную таже трагическая судьба, какая постигла Византійскую имперію“ [2]), то подъ именемъ греко-восточной церкви нужно разумѣть одну церковь русскую, богатую силами и такъ много обѣщающую въ будущемъ. Но что сказать объ этой церкви? Исполнена ли она того самочувствія, какое должно по праву принадлежать ей? Сознаётъ ли она свои задачи, какъ бы слѣдовало? Познала ли она себя самое? Кажется, не большой секретъ, что въ этомъ отношеніи ей многаго не достаетъ. Приведемъ очень интересный фактъ: отъ петербургской духовн. академіи въ теченіе многихъ лѣтъ объявляется конкурсная тема: православная церковь, ея отличія отъ римскаго католицизма и протестанства [3]), и вотъ съ годами преміальная сумма воз-

---

[1]) Толстой говоритъ о членахъ этой церкви: „они такъ запутались въ **ихъ разсужденіяхъ** (по вопросамъ религіи), что сами перестали понимать **то, о чемъ** говорили.“

[2]) **Еписк.** Порфирія. Книга бытія моего. Т. I, стр. 203.

[3]) Эта преміальная тема петербургскаго митр. Григорія († 1860) собственно требуетъ, „чтобы показано было, что тому образцу истинной церкви, какой предложенъ въ св. Писаніи, сохранялся въ постоянномъ преданіи и былъ осуществленъ въ древней, нераздѣленной вселенской церкви,

расла до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, а за тему никто не можетъ приняться; значитъ, въ средѣ церковной интеллигенціи никто не знаетъ поставленнаго вопроса. Не секретъ, кажется, и то, что русская церковь въ разное время испытывала на себѣ вліяніе то церкви римско-католической, то протестантства. Укажемъ для доказательства нашей мысли на немногіе примѣры. Вотъ у насъ подъ руками книга, принадлежащая профессорскому перу, подъ заглавіемъ: „слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“ [1]). А Никонъ, по мысли котораго въ первый разъ былъ напечатанъ переводъ книги Donatio Constantini: своего рода кормчая книга средневѣковаго папства, въ которой русскій патріархъ искалъ для себя *полезныхъ уроковъ* [2]); а *кіевскіе схоласты и* Стефанъ Яворскій [3]); а многія пробы, вызванныя незримымъ вторженіемъ къ намъ католицизма въ XIX столѣтіи (примѣръ: только мудрость Филарета парализовала странную попытку авторизовать на вѣчныя времена греческую библію въ переводѣ LXX-ти, по подражанію подобной же авторизаціи вульгаты); въ борьбѣ съ протестантскимъ раціонализмомъ мы до сихъ

или церкви семи вселен. соборовъ, соотвѣтствуетъ не другая какая-либо, а именно православная церковь и въ ученіи, и въ устройствѣ, и управленіи“.

[1]) Книга проф. Н. С. Суворова. Яросл., 1888. Встрѣчается даже мнѣніе, что въ самомъ началѣ русская церковь была римско-католическою (до XII в.). Мнѣніе это приходится разбирать еще и въ настоящее время: Синайскаго А. свящ.—„Разборъ мнѣній о католичествѣ древней Россіи“, стр. 22 и д. Спб. 1899.

[2]) Въ книгѣ проф. А. С. Павлова: „Сборникъ неизданныхъ памятниковъ византійскаго церковнаго права“ (Спб., 1898) есть обширная глава, подъ названіемъ: „Подложная дарственная грамота Константина великаго папѣ Сильвестру въ греч. и славян. переводѣ“. Грамота эта, по словамъ изслѣдователя, находилась у насъ въ болѣе обширномъ и разнообразномъ употребленіи, чѣмъ у грековъ. Доказательства такого употребленія мы находимъ и въ оффиціальныхъ церковныхъ документахъ, начиная съ XVI в. до самаго конца XVII вѣка (стр. 74). Что же касается Никона, то онъ, при помощи этой грамоты утверждалъ: „русскій патріархъ есть прямой (?) наслѣдникъ всѣхъ (?) преимуществъ, предоставленныхъ Константиномъ римскому папѣ“ (78). Вотъ какъ далеко простирались „папистическія возрѣнія Никона“! (80).

[3]) См. наприм. Милюкова. Очерки по исторіи развитія русской культуры, стр. 151—153. Спб. 1897 (Авторъ говоритъ: „въ московское богословіе проникаетъ и укрѣпляется въ немъ новый элементъ—католическій“).

поръ прибѣгаемъ къ римско-католическимъ авторитетнымъ произведеніямъ. Съ другой же стороны, припомните приправленную протестантскою закваскою дѣятельность Петра I, Ѳеофана, нѣмецкое правительство Анны, Петра III, а изъ истекшаго столѣтія, пожалуй, противоправославный мистицизмъ временъ Александра и „библейское общество“ [1]) и даже дѣятельность оберъ-прокурора св. Синода Д. А. Толстаго, который по словамъ автобіографіи архіеп. Саввы, покровительствовалъ направленію, враждебно относившемуся къ монашеству и архіерейской власти, а это признакъ протестантизма [2]); далѣе—для борьбы съ римско-католическою церковію оружіе у насъ заимствуется отъ протестантскихъ авторитетовъ, за неимѣніемъ собственнаго арсенала; да и вообще о богословской русской наукѣ можно сказать: поскоблите нашу богословскую науку и вы найдете протестантскую. Но мы конечно говоримъ это не во осужденіе русскихъ богослововъ. Что же дѣлать, если наука въ спросѣ, а своей еще нѣтъ? [3]) Появились у насъ люди, которые преклоняютъ свой слухъ къ тому, что я назвалъ выше, обрядословіемъ, культивируемомъ раскольниками; что они тамъ слушаютъ, я не знаю, но что нибудь да слышатъ же.—А въ области разумѣнія морали что видимъ? Ничего успокоительнаго. Еще на дняхъ происходилъ любопытный споръ, который еще и не окончился, о томъ, что такое монашество? Повидимому, дѣло идетъ о такомъ предметѣ, ко-

---

[1]) Милюкова, 154—155. О дѣятельности „Библейскаго общества“ авторъ замѣчаетъ: въ публичныхъ рѣчахъ высказывалась надежда, что это общество „откроетъ греческой церкви ея заблужденія и скоро создастъ въ Россіи реформацію, какъ того желаетъ и самъ государь“.

[2]) Автобіографическія Записки, стр. 564. 576. Въ *Богослов. Вѣстн.* за 1903 г.

[3]) Г. Милюковъ такъ характеризуетъ современную богословскую литературу: „среди традиціонныхъ воззрѣній массы, классическихъ афоризмовъ первоисточниковъ и развитыхъ системъ западной богословской науки—положеніе русской богословской науки довольно затруднительно. Со всѣми этими данными она одинаково должна считаться, но при заранѣе постановленномъ условіи ни съ однимъ изъ нихъ не входить въ открытое противорѣчіе (? авторъ хочетъ сказать, что она служитъ и нашимъ и вашимъ, а не чисто научнымъ интересамъ). Положеніе это можетъ длиться такъ долго, какъ долго богословское мышленіе будетъ считаться только допустимой роскошью *(очень вѣрно)* въ области вѣры, а не дѣломъ насущной потребности“ (155—156).

торый у всѣхъ на глазахъ, предметѣ, появившемся у насъ чуть ли не одновременно съ принятіемъ христіанства на Руси,—и однакожъ вотъ спорятъ же и будутъ спорить. „Толико время съ вами есмь и не позналь еси мене“ (Іоан. 14, 9). Толстой, какъ мы знаемъ, утверждаетъ, что иногда злой духъ отвлекаетъ вниманіе ученыхъ отъ важнаго и направляетъ его на неважное. Не то ли и здѣсь?

Приведемъ еще разъ и послѣдній разъ слова Толстого, выражающія изучаемые нами взгляды его на церковную исторію. Чрезъ мѣру строго оцѣнивая историческія явленія греко-восточной церкви, онъ пишетъ: споры троичныя и христологическія такъ затмили головы ея членовъ, что „они вовсе не думали о томъ, какъ имъ жить“ (пояснимъ: т. е., какъ сообразовать свое поведеніе съ повелѣніями Христа); имъ не нужно было знать того, что говорилъ Учитель (Христосъ) о жизни“ (т. е. о жизни достойной Его ученія) [1]).

Мы должны сначала припомнить, зачѣмъ говорятся эти слова. Толстому нужно было указать, что высоконравственная жизнь христіанъ первыхъ временъ, съ „возстановленіемъ ада“ кончилась и вмѣсто нея затѣмъ наступила въ церкви жизнь, достойная „ада“. Не вдаваясь въ подробности, онъ замѣчаетъ: христіане послѣдняго періода исторіи церкви (а періодъ этотъ, по нему, начался чуть ли не съ конца еще II вѣка) *„вовсе не думали*, о томъ какъ имъ жить“. Что же можетъ быть хуже этого? Выходитъ, по сужденію Толстого, что христіане совсѣмъ и не помышляли о добродѣтельной жизни, а жили, забывъ о Христѣ, какъ Учителѣ нравственности. Для того, чтобы раскрыть, что слова эти—клевета на православную церковь, намъ слѣдовало бы пересказать здѣсь исторію греко-восточной церкви всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ и въ особенности исторію нашего отечества; но разумѣется это дѣло не возможное. Какъ же поступить? Не ограничиться ли чѣмъ либо малымъ, но такимъ, что близко нашему сердцу [2]). Да будетъ же позво-

---

[1]) Въ заключеніе Толстой упоминаетъ о увлеченіи церкви аристотелизмомъ, но такое явленіе почти неизвѣстно было на Востокѣ, а развилось оно на западѣ. Упоминаетъ онъ объ этомъ такъ сказать по ассоціаціи идей, ибо выше у него рѣчь идетъ о такъ называемой „интеллектуализмѣ“ въ греческой церкви.

[2]) Нижеслѣдующія страницы написаны авторомъ много позже предъ-

лено мнѣ, въ присутствіи москвичей, коснуться хоть исторіи Москвы, какъ города христіанскаго, не всей исторіи, а лишь самаго незначительнаго края этой исторіи. Напомнимъ имена тѣхъ дѣятелей нашего города, плоды христіанскаго ревнованія которыхъ *мы видимъ и теперь*, а также имена тѣхъ дѣятелей, память о которыхъ *живо еще хранитъ* благодарное потомство. Полагаемъ, что послѣ этого не трудно уразумѣть, о какихъ временахъ жизни Москвы мы хотимъ повести рѣчь? Москва имѣла въ указанный періодъ ея жизни цѣлый рядъ великихъ святителей. Почти невольно припоминаются: митрополитъ Платонъ, проникновенный церковный витія и вѣроучительный іерархъ; м. Филаретъ—этотъ Григорій Богословъ XIX вѣка, краса русской церкви, по глубинѣ его природы его называютъ мудреною „загадкой“, но правильнѣе назвать его чудомъ вѣка, въ душѣ его сочетавались воедино и необычайный умъ и трогательное смиреніе, при чемъ нельзя рѣшить: чего у него было больше? М. Иннокентій, апостолъ Сибири, создавшій общество въ Москвѣ, которое сдѣлало его неусыпающимъ и неумирающимъ миссіонеромъ не только русской отчизны, но и чужихъ краевъ; м. Макарій, великій христіанскій книжникъ святой Руси. Дозволимъ себѣ напомнить имена двухъ преосвященныхъ викаріевъ, дѣятельность которыхъ не скоро забудется; разумѣемъ *преосвященныхъ Амвросія*, который своими краснорѣчивыми поученіями на темы, вызванныя самою жизнію столь же перемѣнчивою, сколь и дерзкою, вразумлялъ „имѣющихъ уши слышать“: „како опасно ходите“ (Еф. 5, 14), и немногоглаголиваго Алексія (Лаврова), жившаго исключительно для другихъ и не знавшаго, что значитъ жить для самого себя. Наряду съ святителями не могу не упомянуть имени одного несвятителя, не святителя впрочемъ по своей доброй волѣ, какъ и преп. Сергій. Говорю о покойномъ ректорѣ Моск. дух. Академіи А. В. Горскомъ, который, оставаясь въ міру, носилъ на себѣ ангельскій образъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ подлинно младенцевъ до преклоннаго возраста, о которыхъ сказано: „тацѣхъ бо есть царствіе Божіе“ (Мр. 10, 14); онъ умѣлъ творить только доброе и никогда и никому противоположнаго.

идущихъ и имѣютъ въ виду другой кругъ слушателей, чѣмъ для какого первоначально назначались эти лекціи.

Перейдемъ къ другимъ примѣрамъ. Кому изъ насъ могутъ оставаться неизвѣстными такія имена, громкія ради прошедшаго и часто припоминаемыя и напоминаемыя ради настоящаго времени, какъ Голицыны, Шереметевы, Куракины, Толстые, Демидовы, Горихвостовы, Мухановы, Еремѣевы, Солодовниковы, Морозовы, Фирсановы, Бахрушины, Лямины, Алексѣевы, Третьяковы, Медвѣдниковы, Базановы, Рукавишниковы и др.—все имена, съ которыми соединяется представленіе о храненіи христіанской заповѣди касательно любви къ ближнимъ [1]). Всѣ названныя и многія другія лица созидали и украшали домы Божіи, настроили убѣжища и прибѣжища для неимущихъ, бездомныхъ, престарѣлыхъ, сирыхъ, болѣющихъ, алчущихъ, несытыхъ, умоповрежденныхъ, незаконнорожденныхъ, жаждущихъ науки, ищущихъ невинныхъ и чистыхъ наслажденій или требующихъ благовременнаго исправленія и т. д. Благодаря похвальной щедрости общественныхъ благотворителей Москвы воздвигнуты дивныя зданія, не уступающія по своему великолѣпію дворцамъ. Будь сооружены такія же зданія въ древнія времена въ христіанскихъ городахъ: Римѣ или Византіи, Александріи или Карѳагенѣ, Антіохіи или Медіоланѣ, Ефесѣ или Ліонѣ, о нихъ составлены были бы панегирическія повѣсти тогдашними писателями; подобная щедрость тогда считалась доступною лишь для царей. Мы было—забыли упомянуть имя Ѳ. П. Гааза, московскаго врача, знаменитаго филантропа; онъ могъ бы оставить послѣ себя милліонъ рублей, какъ это дѣлаютъ доктора текущаго времени, но Гаазъ, умирая нищимъ, вмѣсто того оставилъ послѣ себя на страницахъ исторіи Москвы и горячую благодарность и еще болѣе цѣнное достояніе—прочную память въ милліонахъ сердецъ. Дѣйствительное имя Ѳедора Петровича всецѣло забыто было

---

[1]) Если бы мы встрѣтили возможный упрекъ въ неумѣстности упоминанія здѣсь лицъ еще здравствующихъ, то мы стали бы искать покровительства у Л. Н. Толстого. Въ книгѣ: „мысли мудрыхъ людей на каждый день, собранныя Л. Н. Толстымъ“ (М. 1903), подъ 14 іюля читаемъ: „Если человѣкъ заслуживаетъ похвалы, старайтесь не отказывать ему въ ней, иначе вы рискуете не только отклонить его отъ надлежащаго пути, лишая его поддержки и одобренія, въ которыхъ онъ нуждается, но и сами лишитесь лучшаго преимущества—воздать человѣку должное за его трудъ“.

еще при его жизни: всѣ знали только „святого доктора“, какъ онъ и назывался всѣми москвичами. Гаазъ—это былъ истинный христіанинъ, преподававшій уроки благочестія самому Филарету, который принималъ эти уроки со смиреніемъ, составлявшимъ одну изъ характеристическихъ чертъ великаго святителя.—Чувствую, что быть можетъ кто нибудь изъ моихъ слушателей въ простотѣ души скажетъ: вы хотѣли говорить о церкви, а говорите больше не о ней, а о мірянахъ. Если у кого изъ васъ, м. г., мелькнетъ въ головѣ такая мысль, то она можетъ родиться только отъ простоты души. Базановы и Рукавишниковы, возьмемъ этотъ примѣръ—такіе же члены св. церкви, какъ и архіереи и доктора богословія. Правда, они не стоятъ возлѣ кормила церковнаго; но за то Базановы и Рукавишниковы, облечены въ своей сферѣ такой властію, какой часто лишено священноначальство: они могутъ и умѣютъ помочь тысячамъ нищихъ и исправлять сотни тѣхъ несмысленныхъ преступниковъ, за души которыхъ въ грядущія времена должна дать отвѣтъ церковь...

Напрасно Толстой зловѣщаетъ, что христіанство первыхъ вѣковъ потомъ извратилось и совершенно прешло. Думаемъ, что мы не скажемъ парадокса, если станемъ утверждать, что есть даже многія нити, нити скрытыя или явныя, связующія великій сонмъ вышеизчисленныхъ нами лицъ, служившихъ и служащихъ на пользу и во благо христіанскаго народа, да и не одного христіанскаго—есть—говорю—многія нити, связующія этихъ и подобныхъ людей съ достославнымъ вѣкомъ апостольскимъ—съ Петромъ, Павломъ, Іоанномъ, Аполлосомъ, благословенной четой Акилы и Прискиллы, съ Лукой „возлюбленнымъ врачемъ“ и художникомъ, Маріей, матерью евангелиста Марка, Филимономъ, Фивою кенхрейской, Гаіемъ, Епафродитомъ, съ лучшими людьми изъ числа галатовъ, коринѳянъ и филиппійцевъ [1]).

---

[1]) Мы не должны были бы приходить въ сокрушенія и въ томъ случаѣ, если бы нашли, что въ наше время, по сравненію съ апостольскимъ, появилось много пороковъ, много ведостатковъ. Ибо, по сужденію нашего знаменитаго историка А. В. Горскаго, этого именно и должно ожидать. Онъ возвѣщаетъ: „напрасно хотятъ подчинить возрастаніе церкви общему ходу человѣчества: оно (человѣчество) спѣетъ къ своему видимому совершенству, а сія умаляется и сокращается, такъ что въ концѣ

Да, вѣдь, такъ и должно быть въ тѣхъ, кто не одними глазами читаетъ Евангеліе и не одними ушами пріемлетъ его. Мы раздѣлены отъ вѣка апостольскаго пространствомъ времени, но составляемъ однакожъ съ нимъ, по выраженію писателя книги „Дѣяній“ „одно сердце и одну душу“ (4, 32), и какъ въ тѣ отдаленныя времена, по словамъ того же писателя: „давалось каждому, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ (—35), такъ же поступаетъ и наша московская церковь. Между нашимъ вѣкомъ и вѣкомъ апостольскимъ нѣтъ того разрыва, который придумалъ Толстой, желая подъ этимъ предлогомъ выступить въ качествѣ реформатора церкви. (Какъ счастлива ты, Москва, что въ тебѣ продолжаетъ горѣть духъ Петра, Павла, Іоанна, Аполлоса, Луки, вышеупомянутой Маріи, Филимона, Фивы Кенхрейской, Гаія и „всѣхъ святыхъ“ (2 Кор. 13, 12) апостольскаго вѣка!

Но добавлю: и графъ Толстой, этотъ то же москвичъ, москвичъ—домовладыка изъ Хамовниковъ, одной изъ самыхъ типичныхъ окраинъ нашего города, также можетъ находить себѣ прототипъ. въ вѣкѣ же апостольскомъ, столь поучительномъ и въ тоже время богатомъ контрастами идей, чувствъ и направленій. Мнѣ кажется, не будетъ грѣха, если позволимъ себѣ проводить прямую связующую линію между Львомъ Николаевичемъ и тѣми аѳинскими языческими лжефилософами, которые, по словамъ книги „Дѣяній“, услышавъ всенародную проповѣдь апостола Павла о воскресеніи мертвыхъ „насмѣхались“ и конечно иронически говорили: „объ этомъ послушаемъ въ другое время“ (Дѣян. 17, 32); а равно можно усматривать связь между проповѣдью Толстого и тѣми безумными христіанами изъ числа коринѳянъ, которые дерзали говорить: не будетъ „воскресеніе мертвыхъ“ *(ὅτι ἀνάστασις νεκρῶν οὐκ ἔστιν)* (1 Кор. 15, 12). Полагаемъ, что этими сопоставленіями мы нимало не оскорбляемъ графа, потому что онъ во всеуслышаніе возвѣщаетъ о своемъ от-

---

времени лжеименный разумъ, обагощающійся непрестанно новыми успѣхами и открытіями въ мнимой области истины, сядетъ въ храмѣ Божіемъ какъ Богъ (2 Сол. 2, 4), любы же за умноженіе беззаконія совсѣмъ изсякнетъ“ (Истор. церкви апостольск., стр. 404). Къ счастью, мы можемъ сказать, что хотя лжеименный разумъ и дѣлаетъ значительные успѣхи въ наши дни, но за то „любы“ едва ли ослабѣваетъ: еще много людей помнитъ заповѣдь о любви къ ближнему.

рицательномъ отношеніи къ христіанскому догмату о воскресеніи мертвыхъ. Мало того: Толстой самъ себя отлучаетъ и отрѣшаетъ отъ общенія съ великимъ сонмомъ святыхъ мужей апостольскаго вѣка. Характеристическою чертою этого вѣка Толстой считаетъ то, что тогда христіане „не сердились другъ на друга". Но такъ ли поступаетъ онъ самъ? Совершенно наоборотъ. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ выступаетъ въ роли религіознаго учителя, какъ это достаточно видно и изъ свойствъ разбираемаго сочиненія его, онъ обнаруживаетъ непримиримую, совершенно непонятную ненависть къ церкви, т. е. къ великому множеству людей, въ частности къ русскимъ богословскимъ писателямъ, но вѣдь и они люди, и къ лицамъ, составляющимъ русское священноначальство, но опять, вѣдь и они тоже люди. Читая эти сочиненія Толстого, ясно понимаешь, что *пропасть велика утвердися* (Лук. 18, 26) между нимъ и святыми мужами вѣка апостольскаго. И эта пропасть создана имъ самимъ. „Ненавидяй брата своего во тьмѣ есть, и во тьмѣ ходитъ и не вѣсть камо идетъ, яко тьма ослѣпи очи ему" (1 Іоан. 2, 11). „Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ" (Мѳ. 11, 29). Спрашивается теперь: возстановляла ли наша церковь когда нибудь адъ? Напротивъ, не графъ ли принялъ на себя эту человѣкоубійственную задачу (Іоан. 8, 44), ненавидя противъ ближнихъ и научая другихъ дѣлать тоже? Какъ извѣстно, высшая духовная власть нашей церкви предупредительно возвѣстила Толстому, что для него закроются двери горняго Іерусалима, если онъ не исправитъ себя искреннимъ раскаяніемъ, но, по человѣческимъ соображеніямъ, надежды на это послѣднее нѣтъ никакой.

Это было въ годъ кончины приснопамятнаго Филарета. Въ Моск. Дух. Академіи происходилъ такъ называемый публичный экзаменъ, на который прибылъ и этотъ святитель въ послѣдній разъ въ своей жизни. Наступила очередь экзамена по философіи; эта наука преподавалась на первомъ курсѣ, въ составъ котораго входилъ тогда и я, въ качествѣ питомца Академіи. Къ экзамену по философіи приготовленъ былъ студентами трактатъ: матеріализмъ и его разборъ. Ми-

трополитъ внимательно прослушалъ весь трактатъ, а потомъ обратившись къ профессору философіи Кудрявцеву, извѣстному ученому, занимавшему въ то время каѳедру названной науки въ Академіи, сказалъ: „не понятно, какимъ образомъ такія пустыя мысли могутъ прельщать здравомыслящихъ людей“? Что отвѣтилъ профессоръ—не знаю, если только отвѣтилъ. Въ настоящій разъ мною сдѣлано изложеніе мыслей графа Толстого, поскольку онѣ нашли себѣ мѣсто въ одномъ изъ его сочиненій. Мои слушатели, прослушавъ это изложеніе, пожалуй въ свою очередь скажутъ: какимъ образомъ такія неосновательныя мнѣнія, какъ разобранныя нами мнѣнія Толстого, могутъ находить себѣ такое широкое распространеніе въ обществѣ: вѣдь, каждый изъ моихъ слушателей замѣтилъ, что неосновательность этихъ мыслей такъ сказать сама бросается въ глаза. Что отвѣтить на этотъ вопросъ—не знаю. Должно думать, что у многихъ нашихъ современниковъ, говоря евангельскими словами: „глаза отяжелѣли“ (Мѳ. 26, 43), „спящимъ же человѣкомъ пріиде врагъ и всѣя плевелы посредѣ пшеницы, и отъиде“ (—13, 25), т. е. самъ спрятался. И къ сожалѣнію, кажется, нѣтъ такого вздора, какой не могъ бы встрѣтить себѣ пріема у насъ; извѣстно, что очень недавно появилась секта, которая стала воздавать божеское поклоненіе высокоуважаемому Кронштадскому пастырю, о. Іоанну Сергіеву, поставляя его портретъ рядомъ съ иконой Спасителя. Одного, только трудно дождаться у насъ: искренней, безъ всякаго лицепріятія, и откровенной общественной протестаціи тамъ, гдѣ нашлись бы для нея и честь и мѣсто.

А. Лебедевъ.